

Фронтвик. Без пощады!

Автор:

Юрий Корчевский

Фронтвик. Без пощады!

Юрий Григорьевич Корчевский

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Вернувшись с фронта домой и поступив на службу в милицию, бывший войсковой разведчик осознает, что он снова на передовой, только война идет уже не с гитлеровскими захватчиками, а против уголовного отребья.

Пока фронтвики проливали кровь за Родину, в тылу расплодилось бандитское нечисть вроде пресловутой «Черной кошки», на руках масса трофейного оружия, повсюду гремят выстрелы и бесчинствуют шайки. А значит – никакой пощады преступникам! Никаких интеллигентских соплей и слюнявого гуманизма! Какая, к черту, «эра милосердия»! Какие «права человека»! Вор должен сидеть в тюрьме, а убийца – лежать в могиле! У грабителя только одно право – получить пулю в лоб!

И опер-фронтвик из «убойного отдела» начинает отстреливать урок как бешеных собак. Он очистит родной город от бандитской сволочи! Он обеспечит уголовникам «место встречи» на кладбище. Он разоблачит «оборотней в погонах» и, если надо, сам приведет смертный приговор в исполнение.

Юрий Корчевский

Фронтвик. Без пощады!

В оформлении переплета использована иллюстрация художника И. Варавина

© Корчевский Ю., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1. Постовой

Андрей с трудом нашел работу на кирпичном заводе. Работа садчика тяжелая, надо закатывать тяжелые вагонетки с кирпичом-сырцом в раскаленные печи обжига. Он обливался потом, мышцы после работы ныли, в цеху сквозняки. Но и этой работе он был рад. После войны мужчин вернулось в родные края много, целая армия. Кто-то на радостях, что война окончилась, пить начал, отмечая возвращение, другие устроились в артели и на заводи. Была небольшая часть, подавшаяся в криминал: торговали краденными вещами, грабили по ночам. При любых катастрофах в стране грязная пена всегда наверх всплывает. Да и то взять: в армию нормальных мужиков призывали, вернулись с войны далеко не все, а кто вернулся – те с ранениями, контузиями или вообще инвалиды, без рук без ног. А уголовное отребье в лагерях отсиделось, многие вышли по амнистии в честь Победы.

Брали в армию и из лагерей, только желающих воевать из уголовников было немного. Осужденные по политическим статьям – той же 58-й, на фронт рвались, но их не пускали. Как же! Враги народа: вдруг к немцам перебегут или того хуже – оружие против своих повернут. А уголовники – свои, из пролетариев, только оступившиеся. Вот и получалось, что лучшие на фронте воевали или сидели в лагерях, а уголовники всех мастей, воры, убийцы, грабители и насильники отсиживались в глубоком тылу, на казенных харчах. Да еще и в лагерях над политическими измывались.

Таких подробностей Андрей не знал. В армию его забрали в 42-м, самом тяжелом для страны году. Служил в пехоте, потом попал в полковую разведку. Как выжил в этой кровавой мясорубке, и сам до сих пор удивлялся. Ранен был неоднократно, но каждый раз легко, и потому искренне считал, что ему повезло.

Потом, когда уже отгремели победные залпы салюта и их полк перевелся на Дальний Восток, он успел повоевать с японцами. Армия у них была многочисленная, в упорстве солдаты не уступали немцам, многие были просто фанатиками.

Только в 45-м году у наших был уже большой боевой опыт, да и в количестве и качестве боевой техники мы японцев превосходили. А их танки – те же «Ха-го» – так и застряли на довоенном уровне. У солдат винтовки, автоматов не было – как и ротных минометов.

В общем, разгромили японцев.

Демобилизовали его только в 1946 году. Страна ждала рабочие руки – ведь в тылу работали женщины, подростки да старики.

Мужики вернулись в форме, большая часть из них – при орденах и медалях. Но кроме как воевать, они больше ничего не умели, и гражданских специальностей у многих не было. Да и откуда им взяться, если на фронт после школы попали? И сотни тысяч заслуженных опытных танкистов, летчиков и артиллеристов враз оказались не у дел – переход оказался слишком резким и неожиданным.

Кому образование позволяло, уселись за парты в институтах и техникумах. И вроде зазорно было сидеть рядом с зеленой молодежью, но понимали – надо! Другие, кто школьные науки за годы войны забыл или учиться не желал, стали работу искать.

И тут выяснилось, что соискателей много. Потому даже тяжелой неквалифицированной работе Андрей был рад. Зарплата, продовольственные карточки – еще бы с жильем решить. Пока он жил у тетки на птичьих правах. У нее самой комнатуха восемь метров в коммуналке, повернуться негде, но пока она его не гнала – и на том спасибо.

Родители Андрея в войну под бомбежку попали и погибли – тетка ему об этом на фронт отписала. Он, конечно, погоревал – да что ж сделаешь? Не у него одного беда, у многих. С немцами только злее воевать стал. Последние два года в разведке служил, а там порядок жесткий: доставь «языка» живым, чтобы допросить можно было. Если была возможность захватить нескольких, скажем – в тыловом блиндаже, в живых он оставлял только одного. Мстил таким образом

за родителей, своих и чужих – пусть в их проклятую Германию тоже похоронки придут. Россия – не Франция или Австрия, где немцев встречали с цветами.

Андрей был комсомольцем и на собрания ходил, как и все. Вот только в партию вступить не успел. Сталина до войны почти боготворил, как и многие его сверстники. А как на фронте побывал да повидал с армией Польшу, Германию и Чехию, узнал, как мир живет, – переменилось что-то в его сознании.

На фронте солдаты языки при себе держали: скажешь лишнее – попадешь к особисту. А потом и в штрафбат угодить можно.

Встречался Андрей со штрафниками. Нормальные парни и воевали неплохо. И хотя уже два года прошло после Победы, он до сих пор просыпался по ночам в холодном поту – снились фронтовые ужасы.

Однако теперь жизнь мирная, хотя и очень тяжелая. С продуктами плоховато, одежда по талонам. На работу он ходил в армейском обмундировании, только без погон. Но не он один так – многие. Однако вероломного врага страна одолела, и теперь жизнь с каждым днем, с каждым годом лучше должна становиться. Оптимистом он еще был, поскольку на гражданке толком и не жил еще. Вся взрослая жизнь – в окопах.

Отработав месяц, Андрей пошел становиться на комсомольский учет в райком.

Усатый секретарь, парень его возраста, повертел в руках комсомольский билет:

– Фронтовик?

– Так точно, недавно вернулся. Германца бил, потом японца.

– Сержант, как я смотрю. И ранения есть? – Это секретарь углядел на гимнастерке нашивки за ранения.

– Точно.

– Хм! И – садчиком на кирпичном заводе?

– Жить на что-то надо, не всем же в райкоме сидеть, – обиделся Андрей.

– Мы тут, между прочим, не сидим, а работаем, где партия поставила. Награды есть?

– «Красная Звезда» и «За боевые заслуги».

– Так, хорошо... Посиди пока.

Секретарь вышел, а Андрей корил себя – почему не сдержался?

Через четверть часа секретарь заглянул в дверь:

– Идем со мной.

Андрей молча поднялся и пошел за секретарем.

Оба вошли в кабинет, находящийся этажом выше. Андрей успел прочитать на двери табличку: «Райком партии. Секретарь». Зачем его сюда?

Из-за стола навстречу им поднялся средних лет мужчина в полувоенном френче, какие носили чиновники всех мастей, беря с вождя пример.

– Здравствуй, Фролов!

– Здравия желаю.

– Садись.

Андрей и секретарь комитета комсомола сели.

– Коротенько расскажи о себе.

Андрей рассказал о службе в армии, о разведке, о гибели родителей.

– Сирота, стало быть, – почему-то удовлетворенно подытожил секретарь. – Есть мнение направить тебя по партийно-комсомольскому набору в ряды рабоче-крестьянской милиции.

Андрей оторопел: ему показалось, что он ослышался. Только работу нашел – и вот, нате вам! Мнение-то у секретаря есть, только вот его, Андрея, мнения никто не спросил.

Однако лицо Андрея осталось бесстрастным. Он привык в армии приказы не обсуждать, даже самые нелепые. А в милиции снова служба, снова погоны... Да и что он умел, кроме этого?

– Чего молчишь? – Секретарь закурил папиросу,дохнул дымом.

– Так у меня же образования нет. И умения, соответственно, тоже.

– Там научат. После войны шпаны много появилось. Сам видишь – в милиции почти одни женщины. Их понемногу увольняют будут и заменять боевыми ребятами вроде тебя.

Уж больно неожиданным было предложение.

Пока Андрей раздумывал, секретарь размашисто расписался и протянул ему бумагу.

– Поздравляю. Это направление.

– А с работой как же? – растерялся Андрей.

– Пойдешь и уволишься. Тебе ответственное дело партия поручает. Можно сказать – доверяет.

– Спасибо за доверие!

– Вот так-то оно лучше.

Андрей повернулся и вышел.

Вот попал! Видел он милиционеров на улицах – «орудовцев» в белых гимнастерках, с жезлами. И других милиционеров – в темно-синей униформе с наганами в желтых кобурах. Такие револьверы в конце войны только «нестроевики» носили – инженерный состав и медики. О! Ошибочка! Вспомнил Андрей, что еще у танкистов револьверы долго держались, потому как ствол «ТТ» в амбразуру для стрельбы в броне не проходил.

Всем неплох револьвер, да перезаряжать его хлопотно и долго. И потому для ближнего боя разведчики наши трофейные немецкие пистолеты имели, вроде «вальтера» или «парабеллума». Андрей даже с фронта «вальтер» привез. У немецкого генерала, что в плен уже на территории Германии взяли, изъял. И патроны привез – несколько пачек. На пистолете табличка именная. Конечно, его сдать положено было, только на фронте так делали не все. Сдашь какой-нибудь особый пистолет с накладками из рога на рукояти или гравировкой украшенный, глядь – а с ним уже «смершевец» ходит.

И многие фронтовики в «сидорах» подобные трофеи с фронта привезли. Иногда солдаты из семейных куски ткани везли или другое что – по мелочи. Офицеры же забирали трофейные мотоциклы, велосипеды... И все поголовно – наручные часы. До войны велосипед, часы – редкость.

Андрей постоял у райкома, раздумывая – ему сегодня в ночную смену идти надо было, и направился на завод. Там он написал заявление, получил расчет и трудовую книжку. Какое-то время он вертел ее в руках – никогда раньше не видел, вздохнул. Тяжелая работа садчиком, но заработок хороший. А в милиции... Приживется ли?

Здание райотдела милиции было в трех кварталах от дома тетки.

Андрей вошел, подошел к дежурному и протянул ему направление. Тот оторвался от писанины:

– Ага, пополнение прибыло!

Дежурный с любопытством осмотрел вылинявшую гимнастерку Андрея, задержавшись взглядом на нашивках о ранениях:

– Фронтовик?

– Так точно.

– Нам боевые ребята нужны. Иди в кадры – первая дверь налево.

Андрей постучал, вошел.

Обстановка в кабинете была спартанской: несколько шкафов с бумагами, стол и два стула. А еще перегородка в двух шагах от двери, чтобы посетители дальше не прошли.

За столом сидел, судя по обильной седине и морщинам, уже очень немолодой мужчина. Не в пример дежурному, он изучил направление Андрея тщательно, едва ли не под лупой.

«Бдительность проявляет», – усмехнулся про себя Андрей.

– Воевал?

– Полковая разведка, – сразу уточнил Андрей.

– Звание?

– Сержант, – в подтверждение сказанному Андрей протянул красноармейскую книжку. Кадровик изучил и ее:

– Так, ранения были...

Полистал:

– ...и награды. Боевой хлопец. Пиши заявление, заполни анкету и давай фото.

– Фотографии у меня нет.

– Ай-яй-яй! Непорядок, беспорядок! Через дом от нас фотоателье. Иди, пусть сфотографируют – два на три.

Андрей пошел фотографироваться.

Скучавший фотограф щелкнул затвором трофейной «Лейки»:

– За фотографиями придешь к четырем часам.

Пока Андрей заполнял бумаги, получал обмундирование и сапоги на складе, подошло время. Он получил фото и направился к кадровику – там ему выписали удостоверение с фотографией и печатью.

– Ну вот, теперь все честь по чести. Придешь завтра к восьми утра в шестой кабинет, к капитану Васильеву – он ведает постовыми.

Первый рабочий день Андрея прошел скучно – капитан вручил ему Уголовный кодекс:

– Читай и запоминай. Ты теперь представитель органов!

И Андрей весь день до рези в глазах изучал статьи. Но разве их сразу запомнишь?

На второй день капитан взял его с собой на обход территории, предварительно показав висящую на стене карту:

– Зона нашей ответственности: с востока на запад – от улицы Семилетки до улицы Чкалова, а с юга на север – от ветки железной дороги до улицы Трудовой. Участок большой, сложный: и притоны есть, и «малины» воровские.

– Что за «малины»?

– Вроде мест отдыха для уголовной братвы. Они там водку или самогон пьют, с девками общаются.

– Взять их да прихлопнуть!

– А за что? Они заявят – отдыхаем. Разве есть статья, чтобы за отдых – в «кутузку»?

– Так ведь они воры и грабители!

– А ты попробуй докажи! У него справка на руках есть, что он работает сапожником или заготовителем в артели «Свободный труд». Он не тунеядец, и по закону привлечь его к ответственности не за что. Улики надо иметь, доказательства веские, а еще лучше – на месте преступления взять, с потерпевшими и свидетелями.

– О! Так их никогда не переловить!

– Ловим и сажаем! А социалистическую законность соблюдать надо. За нами закон, и мы его чтить должны.

Капитан и Андрей вышли из здания райотдела.

– Жалко, сотрудников у нас мало. Ну ничего! Война закончилась, мужики возвращаться стали. Пополнение пошло, боевые ребята – вроде тебя. Искореним преступность и заживем!

– Так из лагерей отсидевшие выйдут!

– Перекуются. Ты смотри: как война закончилась – народу послабление пошло. К каждому Новому году Указ – цены снижают. Пусть и ненамного, а душе приятно. Заботится о народе товарищ Сталин.

В ответ на это Андрей только вздохнул. Люди в общей массе одеты плохо, одежда все больше изношена, черных и серых цветов; лица у людей усталые. Если кто и смеется – так это дети и молодежь. А он видел, как бюргеры живут – где дома снарядами и бомбами не разрушены, как на картинке. И только у нас коммунальные квартиры с клопами и тараканами.

Капитан подошел к бабкам, торгующим семечками:

– Разойдись! Не положена стихийная торговля!

Бабульки молча собрали семечки в мешочки и отошли за угол.

– Товарищ капитан! Мы уйдем – они же вернутся!

– Обязательно! Им ведь тоже на что-то жить надо, внуков поднимать – после войны родители есть не у всех. Нешто я не понимаю? Не зверь какой!

– Тогда зачем гонять?

– Порядок должен быть, уважение к власти.

В сопровождении Андрея капитан обошел несколько точек, где несли службы постовые. У одного постового он оставил Андрея:

– Сержант Колоколов служит давно, службу знает. Участок сложный, но есть чему поучиться. Побудешь у него стажером.

– Есть, – молодецвато козырнул Андрей.

Капитан ушел.

– Ну, давай знакомиться, стажер. Старшина Колоколов, Василий Тимофеевич.

– Сержант Фролов Андрей, можно без отчества.

– Андрей, ты не вертись, днем тут спокойно. А вот как стемнеет, всякая шушера из щелей ползет – через кусты от нас железная дорога. Вот братва на «железку» ходит, вагоны вскрывает. Но «железка» – не наша вотчина, там транспортная милиция есть, военизированная охрана. Их задача – кражи не допустить. А уж если вора повезло да стянули что-нибудь, они сюда побегут. Тут уж не зевай, хватай. К тому же через железную дорогу люди ходят – на той стороне заводы да фабрики. Смена в одиннадцать ночи заканчивается, грабителям самое раздолье – особенно когда зарплата. Я уж и числа выучил. На «Большевики» шестнадцатого, а на «Коммунары» десятого. И артели есть, но у

них зарплату нестабильно дают, когда как. Сегодня у нас какое число?

– Вроде двенадцатое.

– Не «вроде», точно знать надо. Через четыре дня на «Большевике» зарплата будет. Работяги в пивные пойдут да в рюмочные – отметить. Представь: поздний вечер, работяга подвыпивший, железная дорога, кусты. Треснут по башке и оберут как липку. Очухается утром – башка болит, карманы пустые. Сам ли потерял с перепою или обобрал кто – не помнит.

Они сходили в столовую, пообедали.

– Слышал я – указ вышел на днях, усиливающий наказание за воровство и грабежи? – спросил старшина после обеда.

– Не читал еще. Мне капитан Васильев только Уголовный кодекс давал.

– В газетах было, но коротко. Стало быть, доведут еще до сведения.

Как позже узнал Андрей, речь шла об Указе от 4 июня 1947 года.

Москва входила в число городов особого списка органов милиции, наряду со столицами союзных республик – Минском, Киевом, Ригой, и портовыми городами – Одессой, Архангельском, Мурманском, Владивостоком. В этих городах наряду с территориальной милицией была военизированная.

Старшина, а с ним и Андрей, не спеша пошли по участку.

– Погоди, постой здесь.

Колоколов отошел в переулок и коротко переговорил с пареньком в кепке-восьмиклинке – такие были сейчас в моде. Вид паренька Андрею не понравился: глаза постоянно бегают, сам какой-то приклатненный, с железной фиксой на переднем зубе.

Старшина вернулся:

– Это Сенька-форточник.

– Почему «форточник»?

– Через открытые форточки в чужие дома и квартиры лазит, вещи крадет. Причем ухитряется обокрасть квартиры, где хозяева спят.

– Арестовать надо его!

– А улики где? А заявления потерпевших? Кроме того, если не попался на краже, трогать его не надо. Информатор он, стукачок. Мы периодически с ним встречаемся, и если он что-то узнает от серьезных воров, то говорит.

– Хм, толково!

– А ты думал! Воры, когда они на «малине» да среди своих, похвастаться любят: где и кого обворовали, что взяли – вроде фартовые они. А для органов такая информация – дорожка к расследованию. Легче копать, когда знаешь, кто вор, своего рода зацепка.

Начало темнеть. Андрей устал – он не привык весь день стоять на ногах. В разведке больше лежишь, наблюдаешь или ползаешь.

Мимо них, опасливо косясь, потянулись старушки и женщины с ведрами и пустыми мешками.

– Куда это они?

– На «железку».

– А мешки и ведра зачем?

– Уголь собирать. С тендеров у паровозов или с вагонов куски угля падают, вот они их и подбирают. Кто помоложе да поразворотливее – на полувагоны лезут, сверху берут. Центральное-то отопление только в больших домах! Печи топить чем-то надо, а уголь, сам знаешь, по норме дают. Да и дорогой он.

Через час-другой от железной дороги потянулись эти же женщины. Кто нес угля полное ведро, у других же он был на дне мешка. На день топить хватит, а больше и не унесешь, тяжел уголек.

Старшина отворачивался, делая вид, что не замечает, Андрею же было женщин жалко. Многие вдовы, а если у кого-то муж и вернулся, то инвалид. Зарботки низкие, а то и вовсе никаких нет, но выживать как-то надо.

Однако государство и власть к людям строги были. За несколько подобранных картофелин или колосков с зерном на уже убранном поле давали вполне реальные сроки. Власти нужны были заключенные, бесплатная рабочая сила. Многие предприятия, заводы и фабрики – тот же Беломорканал – были построены кровью и потом на костях тысяч зэков.

На своем участке старшина служил давно и многих знал в лицо. Всех «несунов» не удержишь, а вот воров да с краденым на руках – обязательно.

Побаивались старшину, но и уважали. За мелкий проступок пожурит, внушение сделает. Увидит, что кто-то спьяну куражится – скрутит, а то и в отделение отведет.

В десять вечера старшина снял фуражку с красным околышем и синим верхом, и вытер пот платком.

– Все, кончилось наше время, по домам пора. Утром приходи в отделение на развод, а потом сюда. Оружие-то пока не дали?

– Нет.

– Ну да, новичок. Как самостоятельно в наряды ходить будешь, вручат.

Андрей отправился домой, старшина – в райотдел, оружие сдать.

Андрей свернул в переулок. Еще сто метров, поворот направо, двести метров – и дом тетки. Быстрым шагом и десяти минут не будет.

Внезапно он услышал какую-то возню в кустах. «Собаки, что ли?» – подумалось.

Но из-за кустов донесся сдавленный вскрик, тут же резко оборвавшийся. Так бывает, когда человеку ладонью зажимают рот. Андрей такие звуки в разведке слышал, ошибиться не мог и потому, не теряя зря время, вломился сквозь кусты.

На земле смутно виднелись два силуэта. Женщину прижимал лежащий на ней мужчина. Одной рукой он зажимал ее рот. Налицо была явная попытка изнасилования.

Не раздумывая, Андрей сильно пнул мужчину в бок. Тот вскрикнул и попытался вскочить, но Андрей схватил его руку и заломил.

– Ты что же, паскудник, делаешь? – зашептал он ему на ухо. – На нары захотел?

Женщина, воспользовавшись тем, что ее перестали держать, вскочила и бросилась через кусты.

– Гражданка, подождите! – запоздало крикнул ей вслед Андрей. – Заявление надо... – Он не договорил.

Женщина убежала – Андрей слышал звук ее быстро удаляющихся шагов.

– Мусор, отпусти! Бабы нет, и заявления не будет!

По голосу чувствовалось, что насильник торжествует. Андрея же переполняла злость. Надо же – потерпевшая скрылась! Преступник прав: заявления не будет, и его просто отпустят. Ну – нет, коли срока не будет, преступник все равно не уйдет безнаказанным.

Андрей резко дернул руку, которую все еще держал, вверх, и выкрутил ее. Раздался хруст костей, и насильник заорал от боли:

– А, сука! Плечо сломал!

Андрей резко ударил его ребром ладони в кадык. Крик захлебнулся, и преступник обмяк. Андрей отпустил его руку, и насильник безвольным кулем свалился на землю. Ногой Андрей добавил ему еще по ребрам.

Так, надо уходить – вопль насильника могли слышать в домах. Этот гад лица его не видел и опознать не сможет. Да и не пойдет он в милицию, иначе объяснять придется, почему на него напали. Зато заживать долго будет, в следующий раз подумает, приставать или нет.

Андрей пробрался через кусты, отряхнул форму и пошел домой.

– Что-то ты припозднился, – спросонья пробормотала тетка. – Вареная картошка на подоконнике в кастрюле, там же и селедка. Поешь.

– Утром.

Андрей разделся, повесил форму на деревянные плечики и улегся в постель. Устал он сегодня, да еще насильник этот! Он успел подумать, что о происшествии рапорт писать не будет, иначе обвинят в самоуправстве и превышении власти – с тем и уснул.

Утром его растолкала тетка:

– Андрей, пора вставать. Ты хоть поешь, вечером же не ужинал...

Андрей умылся. Вода из крана текла прямо ледяная, но сон сразу прошел.

Он съел миску вареной картошки с селедкой, выпил жиденького чаю. Ему было не привыкать к простой пище, на фронте бывало гораздо хуже. В наступлении полевые кухни зачастую отставали от войск, и они ели то, что удавалось найти у немцев в траншеях и блиндажах.

Начистив бархоткой сапоги, он оделся, посмотрел на себя в мутноватое зеркало. Вроде все в порядке.

У выхода из подъезда Андрей наткнулся на пацана лет двенадцати – тот жил этажом ниже. При виде его мальчишка что-то спрятал за спину.

– А ну, герой, покажи, что у тебя там!

Пацан нехотя протянул ему маленький пистолет. Андрей сразу узнал его: «маузер» калибра 6,35 мм – небольшой, карманный. Хлопушка по большому счету, но если в лоб да еще с близкого расстояния – то насмерть.

Андрей забрал оружие.

– Где взял? – строго спросил он.

– У Мишки вчера в карты выиграл.

– Вот скажу отцу, он тебе уши надерет!

– Он утром рано уходит, а приходит за полночь!

– Где он у тебя работает?

– На номерном заводе. Дядя Андрей, не говори! Он ремнем больно отходит.

– Оружие – не игрушка. Вдруг выстрелит? Убьешь еще кого-нибудь невзначай.

Андрей сунул пистолет в карман.

– Брось играть в карты. Всегда найдется кто-то, кто играет лучше тебя, без порток оставит.

Сочтя воспитание соседа оконченным, Андрей отправился на службу. На разводе была перекличка, наряды, а потом получение оружия.

После войны у милиционеров появились по штату пистолеты и револьверы. Во время войны короткоствольное оружие по большей части изъяли в армию, и постовые были на службе с винтовками. Неудобна она была для милицейской службы – длинна и тяжела. В ближней схватке пистолет удобнее, тем более что у бандитов всех мастей оружия было в избытке.

Андрей подошел к Колоколову:

– Здравия желаю.

– Правильно желаешь. Сегодня ночью «вохровца» на станции зарезали, и из вагона обувь вынесли. Много, в руках столько не унесешь. Видать, машина была. В оперчасти сказали к барыгам-спекулянтам приглядываться, не начнут ли торговать сапогами.

– Понял.

– Говорят, банда объявилась. Знак свой оставляют – черную кошку на стене рисуют.

– Зачем?

– Для форсу бандитского.

Андрей не знал, что вскоре вся Москва только и будет, что перешептываться о «Черной кошке». Страху она нагонит на обывателей много, но в итоге будет ликвидирована МУРом.

Два года подряд – в 46-м и 47-м – в стране была засуха, неурожай. Продовольствия стране не хватало, да еще СССР поставлял продукты Польше, Чехии, Венгрии, половине Германии и странам, попавшим в зону влияния Советского Союза по Ялтинскому договору. Потому воры не гнушались ничем – ни продовольствием, ни обувью, ни вещами. Они знали, что на барахолке купят все, и причем не только за стремительно обесценивающиеся деньги, но и за изделия из благородных металлов, у кого они сохранились.

Люди побогаче или имевшие доступ к продовольственным закромам скупали за бесценок уникальные, порой не имеющие цены вещи. За пару буханок хлеба или полмешка муки они приобретали картины, подсвечники, раритетные книги. Как и в любой стране во время кризиса, первые годы после войны жулье в Советском Союзе богатело, а народ выживал.

Но на стихийных рынках и обманывали часто. Андрею запомнилась женщина бальзаковского возраста интеллигентного вида, плакавшая навзрыд: она отдала пару старинных серебряных подсвечников за две рыбины, оказавшиеся

муляжами из музея.

Военнопленных Советская власть кормила лучше, чем свой народ.

Барахолки были в каждом районе, и сегодня старшина и Андрей несколько раз проходили по рынку. Он был на границе их участка, но начальство распорядилось так.

При виде милиционеров некоторые продавцы судорожно убирали свой товар в баулы. Но всех досмотреть невозможно, и оба поглядывали по сторонам – не продает ли кто новые сапоги?

В сапогах ходила половина мужского населения города, и даже чиновники. У них как униформа – хромовые сапоги и френч. Люди рангом пониже носили сапоги яловые, а простой люд – кирзовые. Некоторые неведомыми путями доставали американские ботинки на толстой рубчатой подошве – такие поставлялись в годы войны американцами по ленд-лизу. Желтого или коричневого цвета, качественные, не знавшие сносу, они очень ценились.

Война окончилась, а с нею – и поставки по ленд-лизу. Страны-союзники сползали в эпоху «холодной войны».

Сапоги на барахолке были – но ношенные. Или новые, но трофейные – кто-то из фронтовиков домой привез. Такие неплохие сапоги Андрей тоже носил, когда служил в разведке.

Оружие и сапоги на разведчиках почти всегда немецкие были. Подошвы наших и немецких сапог следы оставляли разные, а у немцев фельджандармерия работала хорошо. Если свежий след от советских сапог обнаружат – не отстанут. Собак-ищеек пустят, но владельца найдут.

И оружие немецкое брали по нескольким причинам. Случись стрельба – что в разведке крайне нежелательно, звук не насторожит немцев. Ведь у «ППШ» или «ППД» звуки уж очень характерные, да с немецким оружием и с боеприпасами легче.

Патрулировали участок до вечера, и оба обратили внимание, что шпаны сегодня не видно. После вчерашнего убийства стрелка ВОХРа милиции в районе было много, и отребье сочло за благо притаиться.

С облегчением они ушли со службы. Стоило кого-нибудь задержать – и надо было писать рапорты и протоколы. Тогда раньше полуночи не уйдешь.

Пужинал Андрей холодными макаронами и куском ливерной колбасы.

– Твою карточку отоварила, – похвасталась тетка.

Андрей стал раздеваться, и тут из кармана брюк вывалился пистолетик. Он взял его в руку и выщелкнул обойму – четыре патрона. Выбросить или сдать в райотдел? Можно ведь сказать, что нашел... У дежурного в углу целый ящик такого добра, начиная от обреза охотничьего ружья и заканчивая автоматом «ППС».

Оружие изымали почти каждый день. Отечественные экземпляры, если они были в хорошем состоянии, передавались в ОСОАВИАХИМ – аналог и предшественник ДОСААФ, а трофейное или негодное шло в переплавку.

Андрей сунул пистолетик в карман: завтра он решит, что с ним делать, а сегодня – спать.

Неделю он ходил на службу с Колоколовым: задерживал пьяных дебоширов, одного грабителя, учился писать протоколы. Понемногу узнал всех сотрудников отдела. Люди в форме – что в армии, что в милиции – сначала кажутся все на одно лицо, это уж потом начинаешь различать. Ведь каждый из них даже форму носит по-разному. У одного фуражка едва ли не на затылке, у другого ремень болтается...

Андрей чувствовал, что знаний не хватает, и стал брать в отделе кадров книги по уголовному праву и другим разделам юриспруденции – за неимением библиотеки десяток-другой книг хранились там. Прочитал он и пресловутый Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.06 1947 года, ужесточающий наказания за кражи, в основном государственного имущества – за него давали от 7 до 10 лет. Если же кража была совершена группой – от 10 до 25 лет. За общественное имущество – колхозное или артельное – давали срок меньше: от 5

до 8 лет. Государство оберегало, в первую очередь, себя.

По Уголовному кодексу, принятому в 1926 году, имевшему многочисленные поправки и действовавшему в то время, за кражу личного имущества осуждали на 6 месяцев, за грабеж с применением насилия – до 3 лет, за разбой – до 5 лет. Так же на срок до 5 лет осуждали за изнасилование. За умышленное убийство давали срок от 3 до 10 лет лишения свободы.

Андрей был удивлен: за преклонение перед Западом по статье 32 пункт 3 тоже приговаривали к 10 годам. Стоило только при свидетелях похвалить что-нибудь не советское. Преступления несравнимые!

И вот настал день, когда ему выделили пост и вручили оружие – потертый, выдавший вида «наган» производства императорского Тульского оружейного завода, изготовленный в 1905 году. Да, револьвер был едва ли не вдвое старше его самого.

Пост был по соседству с постом старшины Колоколова и тоже рядом с железной дорогой. Самое значимое здание – клуб меланжевого комбината.

В первый самостоятельный день Андрея они шли со службы вместе – положено было сдать оружие. Только сотрудники дежурной бригады и уголовного розыска имели оружие при себе всегда – их могли вызвать на происшествие в любое время суток.

Три месяца прошли относительно спокойно. Пьяные драки и дебоши у пивных и рюмочных, мелкие кражи и поножовщина с легкими ранениями были не в счет – обычная служба.

Андрей уже освоился, его стали узнавать в районе. Добропорядочные граждане здоровались, блатные же демонстративно переходили на другую сторону улицы.

Уголовники, особенно авторитетные, придерживались некой формы одежды: обязательная синяя кепка, под пиджаком – тенниска, бриджи заправлялись в надраенные сапоги с голенищем гармошкой. А уж железные или золотые фиксы – даже на здоровых зубах – носили все.

В начале декабря были подняты цены на пайковые товары, выдававшиеся по карточкам, – продовольственные товары, обувь и одежду. В народе, получавшем в большинстве своем зарплату низкую, появилось глухое недовольство. Открыто протестовать не стали, и вдруг 14 декабря объявили Указ об отмене продовольственных карточек и проведении денежной реформы.

Народ был в шоке.

С 15 декабря в магазинах в свободной продаже появился хлеб, свежая и соленая рыба и даже конфеты – карамельки и подушечки.

Обмен старых денег на новые производился в соотношении 1:10. Этим преследовалось несколько целей: первая – ударить по спекулянтам, нажившим несправедливым путем ценности в военные годы, и вторая – убрать из оборота «лишние» деньги. Ведь в годы войны гитлеровцы с целью подрыва экономики Советского Союза напечатали на своих фабриках довольно значительное количество советских бумажных денег. Фальшивки были высокого качества, и не все эксперты могли отличить их от настоящих, поскольку подделка была сделана на государственном уровне.

На обмен денег выделялось всего несколько дней, и обменивали не больше трех тысяч рублей. Серьезные дельцы потерь не понесли, поскольку заранее на бумажные деньги скупали золото и драгоценные камни, антиквариат и предметы искусства.

Андрей заканчивал дежурство и уже предвкушал возвращение домой, в тепло. Если форменная шинель еще грела, то ноги в сапогах мерзли.

И тут из старинного трехэтажного особняка выбежала женщина. Она была без пальто, только в накинутом на плечи платке, на ногах – домашние тапочки. Увидев Андрея, она кинулась к нему.

Он поморщился: опять небось бытовая пьянка и дебош. Надо будет идти разнимать, а потом жена простит и заявление писать не будет.

Но женщина бежала к нему молча – обычно при пьяных скандалах они кричали еще издали.

Андрей успел сделать несколько шагов ей навстречу, а про себя подумал: «Хоть согреюсь в теплой квартире».

Женщина добежала и прерывающимся от волнения и бега голосом сообщила:

– На третьем этаже, в двенадцатой квартире грабеж. Я отлучилась к соседке, вернулась – а дверь открыта и чужие голоса.

– Идемте.

Быстрым шагом Андрей направился к дому. Женщина бежала следом, едва поспевая.

Распахнув тяжелую дверь подъезда, Андрей вошел. Дом был старинной постройки, лестницы широкие – из доходных, что купцы строили для солидной публики.

Они успели подняться до площадки второго этажа – третий этаж был последним, как наверху распахнулась дверь и послышались шаги. Шел явно не один человек.

Андрей расстегнул кобуру и вытащил револьвер:

– Стоять, милиция!

Через секунду сверху прогремел выстрел.

Андрей оттолкнул женщину в непростреливаемую, мертвую зону, вскинул «наган» и дважды выстрелил по ногам незнакомцев. Ни их тел, ни лиц видно не было – все закрывал лестничный пролет.

Стрелял Андрей отлично: в разведке «мазил» не держат – слишком высока может быть цена промаха.

После его выстрелов сверху раздались крики, мат, стоны.

– Эй, мусор, дай уйти! Мы тебя не тронем, зуб даю!

– Бросайте оружие и спускайтесь с поднятыми руками! Живыми вас оставлю, но тюрьму гарантирую.

– Пошел ты...!

Сверху выстрелили. Пуля угодила в штукатурку, и Андрея осыпало известковой пылью. Он сунул женщине свисток:

– Спускайся на улицу, свисти!

Свисток был у каждого постового. Длинные трели означали тревогу, и каждый милиционер, находящийся поблизости, должен был спешить на помощь.

Женщина, прижимаясь к стене, стала осторожно спускаться по лестнице.

В пустом подъезде прозвучавшие выстрелы были как пушечные залпы. Наверняка люди проснулись, но из дверей квартир никто не выглядывал – боялись. Если у кого-то в квартире стоят телефоны, то уже должны были позвонить в милицию. Хотя надежд на скорое прибытие подмоги Андрей не питал – в райотделе одна старенькая полуторка. Пока ее на морозе заведут, дело как-то разрешится. Или они его убьют, или он их.

Андрей снял шинель, портупею – они сковывали движения.

С улицы уже доносились длинные трели свистка.

Прыжком Андрей преодолел сразу три ступеньки лестничного пролета, развернулся, выстрелил в низ живота грабителя и тут же прыгнул вниз, на площадку. Он бы выстрелил в грудь или живот, но они были скрыты от него лестничным маршем.

Вдогонку ударил запоздалый выстрел.

В том, что он попал, Андрей не сомневался. По его расчетам, у бандитов должно быть двое раненых. Но он не знал, сколько грабителей наверху, а у него

оставалось всего четыре патрона. Ему вспомнилось об оставленном дома «маузере» – он ведь его так и не сдал. А как бы он сейчас пригодился! В разведку всегда брали с собой запасное оружие. Кроме автомата, нож и – как последний шанс – пистолет. Ведь если дело дошло до стрельбы из пистолета, то дистанция коротка. А в рукопашной доходило до саперных лопаток. Хорошо заточенная, она была не хуже топора и увечья наносила ужасающие.

На пол лестничной площадки упало сверху несколько капель крови. Андрей ухмыльнулся – кто-то серьезно ранен. Бандиты сейчас как в ловушке. Он им и выйти мешает, и с третьего этажа не выпрыгнешь. Постройка дореволюционная, в комнатах до потолков метра четыре, и в лучшем случае попытка выпрыгнуть закончится инвалидностью, в худшем – моргом.

Бандиты это тоже понимали, и сверху раздался голос:

– Мусорок, мы же тебя на куски порвем за наших братанов!

– Вы сначала до меня доберитесь! Ну, давайте – кто смелый? Только лоб зеленкой смазать не забудьте!

Почему-то у бандитов существовало поверье, что перед расстрелом лоб мажут зеленкой.

Грабители наверху стали тихо переговариваться. По голосам Андрей определил, что их было не менее двух. И еще один из бандитов говорил: «За наших братанов». Стало быть, раненых тоже не меньше двух, и один, скорее всего, в живот, а другой – в ноги.

В разведке раненых на себе несли бы до передовой, но в том, что бандиты поступят сейчас именно так, Андрей сомневался. Красиво говорить они мастаки, убеждать в дружбе до гроба умеют, но как до дела дойдет – каждый думает о том, как бы ему свою шкуру сберечь, она ближе. Вот и эти сейчас размышляют, как бы им самим прорваться да награбленное унести. А Андрей перекрывает им путь отхода.

Бандиты на лестничной площадке зашевелились, верно – придумали какой-то план.

Внезапно раздался металлический звук, потом он повторился.

Секунду Андрей соображал, что бы это могло быть, но потом дошло: один из грабителей поднимается по железной лестнице к люку, ведущему на чердак. Через крышу хотят уйти! Только люки всегда на замке, за ними обычно дворники смотрят. Правда, вору могут открыть навесной замок отмычкой. Эти замки простые и иногда открываются изогнутой шпилькой для волос.

Раздался легкий скрежет, и замок грохнулся на плитки пола.

Бандиты засмеялись. Понятно, радуются, что выход нашли. Что они предпримут? Первый уж наверняка в люк полез, второй держит под прицелом лестницу и его, Андрея. Но и он секунды спустя тоже начнет взбираться по лестнице. Потом настанет момент, когда верхняя половина туловища грабителя скроется в люке. Огонь открыть он не сможет, а вот выстрелить в него – самый подходящий момент. Только как подгадать эту секундочку? Раньше времени выскочить на лестничный марш – сам пулю получишь, а опоздаешь на миг – и бандит скроется, залезет на чердак. А оттуда один ход – через слуховое окно на крышу и вниз по пожарной лестнице.

Сверху слышался легкий металлический звук. Бандит старался взбираться, не создавая шума, но железная набойка на каблуке задела за металл лестницы и издала звук.

Андрей решился и бросился по ступенькам вверх. Тут же раздался выстрел, и с его головы слетела шапка, сбита пулей. Рискаю сломать ноги, Андрей отпрыгнул назад. И кто только придумал эти ступеньки?

Грохнул еще один выстрел. Бандит не видел Андрея и стрелял для острастки.

Андрей снова рванулся вперед и с пол-оборота увидел туловище ниже пояса – наполовину бандит был уже на чердаке. В последнюю секунду Андрей успел выстрелить в поясницу и бедро.

Бандит завопил и рухнул вниз, на пол. Пистолет выпал из его руки и отлетел на ступеньки.

Андрей побежал на третий этаж, с ходу выстрелив бандиту в грудь: нельзя оставлять раненого, но еще живого противника за спиной. Сколько хороших ребят погибло из-за этого!

Раненого в ноги видно не было, кровавый след тянулся в распахнутую дверь ограбленной квартиры.

Андрей секунду колебался – на чердак или в квартиру? Выбрал квартиру, он кинулся в раскрытую дверь и тут же остановился: мертвый бандит лежал в коридоре, и под ним расплывалась лужа крови. Видимо, пуля задела крупный сосуд.

Андрей не был санитаром, но смерть на фронте видел много раз. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять – перед ним труп.

Он заглянул в комнату. Никого. Метнулся в другую: у стола лежал убитый хозяин. Нож – финка с наборной ручкой – торчал у него из спины.

Андрей выбежал из квартиры. Сколько секунд он потерял? Пятнадцать, двадцать? За это время бандит успеет перебраться по чердаку к слуховому окну. А дальше – железная, заметенная снегом крыша. Там темно и скользко. Конечно, бандит будет осторожен, и у Андрея есть в запасе время.

Он кинулся по лестнице вниз, на втором этаже подобрал свою шинель и на ходу оделся. Сколько у него в револьвере осталось патронов – два или один?

Женщина стояла у подъезда и тряслась от холода и страха. В подъезде звучали выстрелы, на улице – ночь, темнота, холодно и ветрено. Увидев Андрея, она испуганно отшатнулась.

Андрей забрал у нее свисток.

– Где пожарная лестница?

– Там, – она показала на правый угол дома.

– Иди в подъезд, замерзла уже. Но в квартиру не поднимайся.

А сам побежал к углу дома и осторожно заглянул за него – не хватало на пулю нарваться.

На лестнице, на самом верху виднелась темная фигура. Только что-то выглядела она очень уж большой и неуклюжей.

– Брось оружие и спускайся! – крикнул Андрей.

В ответ раздалось два выстрела, и неподалеку от Андрея взметнулись фонтанчики снега.

Андрей поймал бандита на мушку и выстрелил. Вернее, не столько на мушку, сколько наводил по стволу.

Фигура камнем полетела вниз, раздавшийся было вопль оборвался тяжелым ударом.

Андрей подошел. Так вот почему фигура выглядела несуразно большой! На плечах грабителя был приторочен армейский «сидор», в котором наверняка лежало награбленное – жалко было бросать.

Плохо, что Андрей ни одного из грабителей не взял живым – допросить некого было. То, что убил, поделом, но старая привычка разведчика оставить хоть одного в качестве «языка» давала о себе знать.

Он вернулся в подъезд, подобрал шапку и портупею, опоясался.

Женщина, изрядно продрогшая, стояла на площадке второго этажа.

– Телефоны в доме есть?

– У нас в квартире. А что там?

Андрей не ответил. Поднявшись по лестнице, он вошел в квартиру. Телефон висел на кухне, на стене. Он набрал «02».

– Дежурный Барсуков слушает.

– Это сержант Фролов. На Интернациональной в доме семь – грабеж и убийство. Высылай бригаду.

– Трупов сколько?

– Хозяин и трое бандитов.

– Это ты их, что ли? – удивился дежурный.

– Я.

– Сейчас распоряжусь, жди. Охраняй место происшествия, чтобы никто ничего не трогал.

– Знаю, – буркнул Андрей.

Он достал из кобуры пачку патронов, высыпал из барабана гильзы в мусорное ведро и снарядил револьвер. Любовно огладил оружие: револьвер был старый, как минимум – две войны прошел, а не подвел его. Потертое до металла воронение говорило о том, что он не лежал на складе, а был в деле.

Андрей уселся на табуретку и обвел взглядом кухню. Хорошо живут люди, кухня площадью больше, чем комната у его тетки.

Тяжело поднявшись, он вышел из квартиры. Один из убитых и его оружие лежали здесь же, на площадке. Значит, и ему положено быть именно тут.

Ждать пришлось около часа.

Женщина, хозяйка квартиры, поднялась на площадку.

– Сюда нельзя! – преградил он ей дорогу.

– Вы хоть скажите, что с мужем?

– Его убили.

Хозяйку Андрею было жалко. Какая-никакая, но была семья, был муж. А теперь она вдова.

Женщина бессильно опустилась на ступеньку:

– За что его?

– Не знаю. Деньги, золото, другие ценности у мужа были?

– Статуэтки и портсигары старинные. Отец его еще собирал, и он пристрастился.

Андрей хлопнул себя по лбу. Вот простофиля беспамятный! Труп с рюкзаком во дворе лежит!

– В квартиру не входить!

Он кинулся на улицу. Труп грабителя, «сидор» и пистолет его лежали на месте. А ведь могли и «сидор» и пистолет забрать запоздавшие прохожие.

Андрей почувствовал, что уже немного замерз – ветер вдоль улицы тянул пронизывающий, когда послышался звук мотора и из переулка показался свет фар. Из-за домов вынырнул грузовик.

Он остановился рядом с Андреем, и из кабины выбрался старший дежурный бригады. Из крытого брезентом кузова выпрыгнули еще трое.

– Что у тебя, Фролов?

– Три убитых бандита и хозяин квартиры. Они его ножом...

Оперативник подошел к трупу и посветил фонариком в лицо:

– Каин-резаный. Давненько мы с ним не встречались, года два.

– Знаете его?

– Ловил два раза. Отсидит, выйдет – и снова за старое. Но теперь уж отбегал. Что за «сидор»?

– Полагаю – краденое. Не досматривал.

– Володя, за тобой фотографии, пальчики. А ты в квартиру води.

Они вошли в подъезд.

– Ух и кровищи! Ты-то сам не ранен?

– Нет, это бандитская.

Женщина при виде милиционера встала.

– Хозяйка квартиры, – пояснил Андрей, – это она меня позвала.

– Хорошо. Пойдите немного здесь, мы позовем. Николай, ищи понятых.

– Так ночь на дворе, где я их возьму?

– Стучи в квартиры.

Они вошли в квартиру.

– Это хозяин или бандит? – указал на мертвого лейтенанта.

– Бандит. Я его в ногу ранил, он кровью истек.

– Собаке собачья смерть. Который на площадке лежит – отстреливался?

Андрей снял шапку и просунул в пулевое отверстие палец.

– Ого, повезло тебе! Считай, второй раз родился.

Они зашли в комнату, где на полу возле стола лежал убитый хозяин.

– Так, диспозиция ясна. Рассказывай, как все было.

Андрей коротко и четко доложил.

– Садись. Вот бумага – пиши рапорт. И поподробнее! Что, когда, сколько раз стрелял, словом – кто из них что делал. – Андрей уселся за стол. Писать он был не мастер, но через полчаса закончил.

К этому времени фотограф сделал снимки, оперативник составил схему места происшествия. Вызвав машину-труповозку, они погрузили в нее трупы. Оружие бандитов и «сидор» как вещественное доказательство забрали с собой. С описью награбленного возились долго – часа два, но женщина все вещи опознала и перечислила четко.

– Ну ты молоток, Фролов! – хлопнул его по плечу Николай из дежурной бригады. – Самого Каина завалил с подельниками!

– Не завидуй, Коля! Ты лучше на шапку мою погляди...

С этими словами Андрей снял с головы шапку и показал дырку от пули.

– М-да! – задумчиво протянул Николай, недоверчиво глядя на Андрея. – Я же говорю – повезло!

Пока Андрей сдал оружие, пока доплелся до дома, начало светать, и поспать ему удалось всего часа два.

Глава 2. Недрогнувшей рукой

Следствие закончилось быстро. Собственно, только оформили бумаги. Потерпевший убит, свидетелей нет, да и сами преступники мертвы.

На собрании в райотделе Андрея наградили грамотой. Оказалось, что за этой бандой числился уже не один грабеж и висело два убийства. Выяснилось это по отпечаткам пальцев.

Андрей предпочел бы грамоте премию, но он не волен был выбирать, так решило начальство. Однако после боестолкновения с бандой Андрей стал брать на дежурство трофейный «вальтер». Пистолет маленький, надежный – как шанс на выживание. Клал он его в карман шинели: так он был незаметен, а выхватить в случае острой необходимости можно быстро. Кобура револьвера, где было положено носить штатное оружие, имела неудобную застежку, и это отнимало драгоценные секунды на расстегивание. Но никуда не денешься – форма.

Тетка показала грамоту его всем соседям, похвалилась.

А потом пришли новогодние праздники. Отмечаться они стали недавно, раньше считались наследием царского прошлого, отрыжкой гнилого капиталистического мира. Правда, Андрей в душе считал: год меняется, при чем здесь царь или православная вера? Просто дата, некий рубеж, Рубикон.

Зима выдалась холодной, и Андрей решил с зарплаты купить бурки – нечто вроде утепленных сапог. В отделе выдавали валенки для несения службы. Стоять на месте или идти в них было можно, но вот бежать было затруднительно. А бегать на службе приходилось: то карманника догнать, то к месту грабежа успеть.

В службу Андрей втянулся. Хлопотная, зачастую опасная, с перестрелками, но она ему нравилась: все лучше, чем вагонетки с кирпичом на заводе возить. Зарплата, правда, скромная, ниже заводской, зато форму выдают, об одежде беспокоиться не надо. И проезд в общественном транспорте – в автобусах или трамваях – бесплатный. К тому же после службы в разведке обычная работа – на заводе или в какой-нибудь артели – его уже не прельщала, казалась пресной, скучной: каждый день одно и то же. А в милиции каждый день происшествия, и ни один день не был похож на другой. Главное же – он осознавал свою нужность людям, обществу: все-таки не бумажки перекладывает в конторе, самое что ни на есть мужское занятие. Конечно же, он замечал и косые взгляды, и шипение

сквозь зубы в спину: «Мусор», – но со временем перестал обращать на это внимание – своего рода издержки профессии.

Постепенно Андрей обзавелся стукачами-информаторами. Без них на службе нельзя, их имели все спецслужбы – милиция, НКВД. Иногда они сообщали действительно важные, ценные сведения о преступниках: кто совершил грабеж, где обретається, кому краденое продал.

Стукачей Андрей в душе презирал: предатель – он и есть предатель, в какой бы среде он ни был. Но пока они были нужны. Правда, приходилось закрывать глаза на их проделки, идти на своеобразный сговор – даже на сделку. Ты мне сдаешь того, кто обворовал квартиру на проспекте Буденного, а я делаю вид, что не знаю о краже велосипеда у здания артели на Пролетарской.

Но когда информаторы все-таки нагнали, совершали преступление серьезное, садились в тюрьму или лагерь, то они и в лагере стучали на сокамерников сотрудникам спецчасти, получая за это дополнительное питание или послабление режима. Однако если об измене узнавали урки или паханы, расправа следовала незамедлительно. В укромном углу убивали заточкой – заточенной на наждаке арматуриной. Или происходил несчастный случай, скажем – на лесоповале на стукача падало дерево. Конвой к таким случаям относился спокойно: на погибшего составляли акт и хоронили его в общей могиле. Для сотрудников охраны или спецчасти главное – чтобы не было побегов.

Андрей постепенно узнавал о тонкостях службы, набирался опыта. Не обо всем было прописано в законах, кое-чем, исходя из своего опыта, делились сослуживцы, да и то шепотком, до некоторых тонкостей доходил сам.

На утреннем разводе начальник отдела доложил, что на территории, подконтрольной отделу, появился насильник и грабитель. Вечерами он грабил и насиловал женщин, возвращавшихся с рабочей смены: забирал деньги, золотые украшения, у кого они были, а затем насиловал. Заявлений было несколько, и все пострадавшие описывали насильника одинаково:

– Среднего роста, коренастый, лицо в оспинах. Физически очень силен, угрожает ножом, – зачитал начальник ориентировку.

Андрей вздохнул. Под это описание попадает едва ли не четверть мужчин его участка. Нужны особые приметы – шрам, например. Или родинка, родимое пятно, хромота на одну ногу. Женщины обычно более наблюдательны, чем мужчины, но волнение и пережитый страх обычно отбивают память. Так, никто из женщин не смог вспомнить одежду насильника. Впрочем, во всех случаях был вечер, темно, и не до разглядываний.

Пока Андрея утешало одно: насильник и грабитель не применял оружия. Угрожал – да! Но, по крайней мере, никого не порезал и не убил.

Постовые и оперативники сразу обратились к информаторам. Но насильник действовал в одиночку, и стукачи о нем ничего сказать не могли. Да и не любили блатные насильников. В почете, на самом верху уголовной пирамиды были воры, медвежатники, вскрывавшие сейфы, ниже – грабители. В самом низу – убийцы, их презрительно называли «мясниками». А уж насильники вообще презирались, считались гнидами, отверженными.

И среди воров было разделение. Наиболее уважаемыми были карманники, или «щипачи». Ловкостью рук они просто поражали. Попробуйте вытащить кошелек у трезвого человека, чтобы он ничего не почувствовал! Среди представителей воровских «специальностей» карманники были элитой, виртуозами. Однако население считало иначе, причисляя карманников к шушере, мелочовке, ворам несерьезным.

При обходе своего участка Андрей приглядывался к мужчинам, попадающим под описание в ориентировке, но сходства не находил. Насильник мог отсыпаться днем, а на «охоту» выходить ночью. Награбленных денег ему хватало на еду и выпивку, а работать на государство среди блатных считалось западло.

Обычно вечерние смены заканчивались в десять-одиннадцать часов вечера.

Андрей уже отдежурил смену, сдал револьвер и направился домой. Но пошел он не напрямик, а переулками, вдоль железной дороги – самыми глухими и безлюдными местами на его участке. Поскрипывал снег под ногами, мороз градусов двадцать пять бодрил, щипал за нос и щеки. Зачем он пошел этим маршрутом, он бы, наверное, и сам себе ответить не смог.

Он уже прошел половину пути, как вдруг услышал истошный визг. Сначала ему показалось, что это визжит собака.

Он ускорил шаг, вышел на тропинку, ведущую через железнодорожные пути, и увидел рядом с рельсами маленькую женскую фигурку и крупную мужскую.

Андрей сразу увидел в руке мужика поблескивающее лезвие ножа. Вырвав из кобуры револьвер, он побежал к путям. Снег предательски скрипел под ногами, подошвы скользили.

Мужик, увидев милиционера в форме, рванул у женщины из рук сумку и бросился бежать вдоль рельсов к станции.

Андрей кинулся за ним, и на ходу, как и полагалось, выстрелил вверх.

– Стой!

Куда там! Грабитель только поддал ходу.

Сзади появился свет прожектора, и послышалось шумное пыхтенье паровоза – их догонял поезд.

Андрей перепрыгнул рельсы, и теперь бежал по утопанной в снегу тропинке вдоль путей.

Паровоз догнал его и обдал облаком пара. За паровозом гроыхали теплушки.

Перед самым паровозом грабитель перескочил на другую сторону путей. Черт, как не вовремя появился поезд!

Андрей пригнулся, пытаясь разглядеть под проезжающими вагонами, куда побежит грабитель, но тот исчез. Андрей дождался, когда прогроыхает поезд, но на путях было пустынно.

Грабитель перебежал на другую сторону от железной дороги и скрылся в кривых улочках частного сектора или прыгнул на подножку вагона – перед станцией поезд всегда замедлял ход. И среди частных домов его не найдешь,

тут едва ли не каждый третий дом с криминальным душком: либо «малина» воровская, либо скупщики краденого, либо девицы легкого поведения.

Андрей сплюнул, засунул револьвер в кобуру и пошел назад.

Женщины, у которой грабитель вырвал сумку, уже не было. Вот ведь незадача! Если бы она осталась, можно было бы опросить, узнать приметы грабителя. Ведь сам Андрей видел его сбоку и издалека, а потом – только со спины. На поражение стрелять – далековато, вот если бы был автомат... И догнать не хватило сил, грабитель имел фору в дистанции и бежал быстро. В общем, не удалось.

Андрей тешил себя надеждой, что этот ублюдок еще встретится на его пути. Обижать слабых – женщин, стариков и детей – самое последнее дело.

Но преступники – люди особого склада характера. Им неведома жалость, сочувствие, стыд. Только свой эгоизм, только свои животные инстинкты: пожрать, выпить, с бабой переспать да похвастать среди блатных о фарте воровском. А на что будет жить ограбленная вдова с детьми, им наплевать. Поэтому и Андрей сочувствия к преступникам не имел, его не трогали их жалостливые рассказы при задержании: почти все они выдавали похожие истории. Папами у них были прокуроры или видные чиновники, а они – их внебрачные сыновья. Детство они провели в детском доме, а испортила их, научила дурным привычкам улица. Слезу пускали, в истерике рубашку на груди рвали, иногда вызывая тем самым сочувствие у прохожих.

Но Андрей уже уяснил – это спектакль. Жестокость у таких отморожков бьет через край, руки у многих в крови по локоть, и по ним давно лагерь плачет, а лучше бы – расстрел. Жрет, пьет, по земле ходит, но ни государству, ни обществу, ни людям пользы от них никакой – как гнилые зубы во рту. И есть ими нельзя – больно, и смердят. Выдрать с корнем без сожаления – вот и все лечение. Даже доставленные в отделение и помещенные в камеру, они гнут там пальцы, все в синих наколках. Тьфу, рука сама к оружию тянется – застрелить стервятника, гниль смердящую.

Андрей порой не мог понять законы. За разговоры на кухне можно схлопотать десять лет лагерей с поражением в правах, а за убийство получить три года и выйти по амнистии, отсидев половину срока. Несправедливо!

Иногда, если преступники, застигнутые на месте преступления, оказывали вооруженное сопротивление, он убивал их недрогнувшей рукой. При его умении стрелять вполне можно было бы прострелить руку или ногу и взять бандита живым. Но он стрелял в грудь или в голову: еще одним подонком на земле меньше будет, воздух чище станет. Тем более что за преступников, убитых при нападении на сотрудников, даже не журили. Написал рапорт – и все, особенно когда были жертвы преступления или живые свидетели. Правда, начальник отделения наедине как-то сказал:

– Фролов, война два года как закончилась. Ты бы не стрелял на поражение... Не спорю, ты сотрудник правильный, у тебя на участке преступлений меньше, чем у других. А знаешь, почему?

– Никак нет.

– Ты солдафонство бросай, не в армии. Солидные люди из братвы твой участок стороной обходят. Только шелупонь и остается: кулаками помахать да отобрать что-нибудь по пьяни. Суров ты очень. Наши люди, из пролетариев, оступились. С понятием надо.

– Ага, по несколько раз. И в лагерях не перевоспитались.

– Линию партии не понимаешь, – покачал головой начальник. – Ладно, иди. По службе я к тебе претензий не имею.

После этого разговора Андрей задумался. Вроде он все по закону делал, как положено. С оружием на постового бросился? Бросился! Тогда чего его, преступника, жалеть? За убитого сотрудника милиции убийцы сроки получали небольшие, и подставляться Андрей вовсе не желал. Перед ним не заблудшая овца, а самый настоящий враг – с оружием в руках и желанием убить, чтобы скрыться и еще походить по городу, покуражиться. А враг хорош, когда он мертв, – эту простую истину Андрей уяснил на фронте.

Вообще война многое в голове Андрея расставила по своим местам. Если в школе, перед войной он преклонялся перед Сталиным, чтил выдающихся советских полководцев вроде Буденного и Ворошилова, то позже убедился в том, что многие командиры бездарны, у них отсутствуют полководческие способности. Ореол вокруг того же Семена Михайловича Буденного померк. И о

Сталине он слышал разные мнения – ирод, кровопийца, тиран. Осмысливать многое стал, сравнивать – особенно когда в Европе побывал с армией. Оказалось, что наши люди по сравнению с европейцами – голытьба. Но правители – это одно, а страна – другое. Да и словечко «вождь» зачастую восприятие портило – как у индейцев.

НКВД, с его арестами по ночам в мирное время, во время войны притихло. Людей на фронте не хватало, потери личного состава были многочисленными, города и деревни почти обезлюдели.

Но после войны органы снова принялись за свое. Вернулись фронтовики, видевшие сами, как живут люди за «железным занавесом», и в их разговорах сравнение получалось не в пользу компартии и Советского Союза.

Однако не все из слушавших были людьми порядочными. Они стучали в органы, или – как тогда говорилось, – сигнализировали, причем получая от этого выгоду: продвижение по службе или комнату арестованного соседа по коммуналке. Андрей сам видел, когда стоял на посту вечером, как разъезжают машины НКВД. Они всегда имели безобидные надписи вроде «Продукты» или «Хлеб». Хотя и милиция и население знали, что в них перевозят арестованных.

По поводу НКВД Андрей тоже имел свое мнение. Видел он на фронте работу Смерша и заградотрядов. Но мнение свое он держал при себе – уж он-то знал, что и у стен бывают уши. Поэтому и на службе ни с кем не сблизился. После работы иногда пиво пил с сослуживцами, анекдоты слушал, но сам предпочитал помалкивать, отчего прослыл человеком некомпанейским. Ну и пусть! Общения с людьми ему и так хватало, порой даже уединиться потребность возникала.

А вот наладить личную жизнь ему очень хотелось. Видел он, как летом парочки гуляют, целуются, и завидовал им по-хорошему. А какая тут личная жизнь, если день-деньской на службе? На посту не пофлиртуешь, хотя девицы приклатненные подмигивали, уединиться приглашали. Сами воры презрительно называли их «марухами». Но такие контакты только дискредитируют. Воры ведь тоже хотят иметь осведомителей среди милиционеров – чтобы об облавах своевременно предупреждали, о проверках соблюдения паспортного режима.

Народ развлекался, как мог. Те, кто покультурнее, ходили в кино, люди попроще собирались послушать гармониста, поплясать, песни погорланить. Доходило и

до ядреных частушек.

Те, кто шумел, милицейского интереса не привлекали. Картежники вели себя тихо, выглядели благопристойно, но суммы иногда на кон ставили несусветные, Андрей за год столько не получал. В домах и квартирах кипела тайная, скрытая от чужих глаз жизнь.

Андрей вошел в свой подъезд. Навстречу по лестнице спускалась соседская девушка. Скромная, приветливая, всегда вежливо здоровающаяся. Насколько помнил Андрей, она училась в библиотечном техникуме.

Вот и на этот раз она поприветствовала его первой:

– Здравствуйте, дядя Андрей!

Ну так прямо уж и дядя! Он старше ее всего лет на десять. Хотя она находилась в том возрасте, когда люди под тридцать кажутся стариками.

– Здравствуй, Лена. Ты куда на ночь глядя собралась?

– Я ненадолго. К подруге схожу – и назад.

Андрей вздохнул:

– Шла бы ты домой, а к подружке и завтра сходить можно.

Не пугать же девушку насильником! Да в ее возрасте в страшилки и не верят. Считают, что и болеть они ничем не будут, и все несчастья обойдут их стороной.

– Нет, дядя Андрей. Подружка болеет, я ей задание отнесу, что в техникуме задают. Заодно и проведаю.

И Лена побежала вниз по лестнице.

Рядом с ней Андрей и в самом деле ощущал себя если не старым, то уж пожилым точно. Наставления дает, а ведь у Лены родители есть. Или служба сказывается,

отпечаток на характер накладывает? Ведь не зря старослужащие говорили, что со временем в каждом прохожем начинают выискивать черты преступника, сравнивать с фото и описаниями в ориентировках.

Сегодня Андрей вернулся домой немного раньше. Поужинал гречневой кашей, выпил горячего чая с сушками, почитал немного и улегся спать.

Часа через три его разбудил настойчивый стук в дверь.

Поднялась тетка – она спала чутко, подошла к двери:

– Кто там?

– Это я, соседка снизу, Кутафина. Мне бы Андрея.

Андрей разговор слышал – он проснулся от стука. Вставать не хотелось, самый сладкий сон. Но ведь соседка попусту беспокоить не будет.

Он подошел к двери, как был – в синих трусах и белой майке.

– Здравствуй, Васильевна. Что случилось?

– Пока ничего, но что-то страшно мне. Лена к подружке ушла и до сих пор не вернулась. Сроду такого не было. Предупредила же – вернусь, мол, скоро. Только туда и назад.

– Где подруга живет, знаете?

– Знаю. Они давно дружат, еще с детского сада.

– Тогда идите к себе, одевайтесь. Я за вами зайду.

– Вот спасибо, Андрей. Я бы и сама пошла, да ночь на дворе, боязно.

– Где хозяин-то?

– На смене, где же ему быть...

Глава семьи, Николай Афанасьевич, работал на железной дороге посменно, как говорили «день, ночь, сорок восемь». Двенадцатичасовая смена днем, на следующие сутки – ночью, потом двое суток отдыха.

Андрей быстро оделся, поколебавшись, положил в карман «вальтер». Привык он к оружию. И как другие не могут выйти из дома без часов или галстука, так он не мог уже выйти без пистолета.

Спустившись на этаж ниже, увидел, что как раз из двери своей квартиры выходила Васильевна. Платок пуховый на голову накинула, на плечи – потертую цигейковую шубу, на ногах – валенки.

Идти пришлось недалеко, минут десять. Первой шла женщина, Андрей торопился следом. На ходу головой по сторонам вертел – не видно ли чего подозрительного?

Подруга Лены жила в небольшом деревянном домике. Васильевна долго стучала в запертую калитку, пока от крыльца не спросили:

– Кого принесло? Ночь на дворе!

– Это я, Кутафина. Дочь моя, Лена... Она к вам вечером приходила...

– Была, была. Поговорила с моей Анечкой и ушла. Давно уже.

Васильевна схватилась за сердце:

– Ой, да как же это? Где же она? Никогда нигде не задерживалась!

Андрея охватило чувство непоправимой беды. Девчонка молодая, глупенькая еще. Но не избалованная, в дурную компанию не пойдет. И если пропала, надо искать – или по больницам, или труп.

Однако о мыслях своих женщине он не сказал – человеку и так плохо.

– Вот что, Васильевна, иди домой. Телефон у тебя есть?

– Есть, от железной дороги поставили.

– Звони по больницам, узнавай, не поступала ли похожая девушка.

Женщина прижала ладонь ко рту, сдерживая рвущийся крик:

– Неужели...

Не договорив, она повернулась и пошла к своему дому.

Андрей решил по-быстрому пробежаться по переулкам. Если с девчонкой случилось что-то нехорошее, тело ее надо искать неподалеку, немного в стороне от ее маршрута.

Бегом он пробежал по одному переулку, другому... Ничего подозрительного. Однако свернув в тупик, остановился. Внимание его привлек сугроб, показавшийся ему непростым: снег вокруг него примят был, и следы обуви цепочкой отпечатались.

Андрей присел, разгреб руками снег. Ткань суконная. Вроде такого же цвета пальто было на Лене. Он стал отбрасывать снег. Точно, пальто, а в нем – она сама. Эх, Лена-Лена, не послушалась!

Внезапно раздался слабый стон. Андрей остановился, прислушался: показалось? Быстрыми движениями он разбросал снег вокруг головы, высвободив лицо. Лена! Глаза закрыты, но видно, что жива – только без сознания. Черт! Телефон нужен, «Скорую» бы вызвать! Три часа ночи, никто двери не откроет!

Он бросился бежать к своему дому, толкнул дверь соседки – она была открыта:

– Васильевна, где телефон?

– Тут, звоню я.

– Дочь я твою нашел! Без сознания, но жива. Собирайся!

Женщина заохала, бестолково заметалась по квартире.

Андрей позвонил в «Скорую», назвал адрес. Потом набрал номер райотдела и доложил дежурному о происшествии.

– Охраняй, чтобы следы не затоптали, высылаю дежурную бригаду, – отозвался тот.

Андрей повесил трубку и обернулся: одетая женщина уже топталась у двери.

– Ой, да как же это? – всхлипывала она. – Кровиночка моя!

– Замыкай дверь, да пошустрее, а то дочь замерзнет.

Андрей бы бежал, но его сдерживала Васильевна. Стараясь идти быстро, она задыхалась и поневоле отставала.

– Вон на том углу! – махнул рукой Андрей, а сам рванул бегом.

Лена лежала в сугробе. Андрей вытащил ее с другой стороны, стараясь не затоптать следов. Один был маленький, явно от ее ботиночек, а другой крупный, мужской. Пальто Лены спереди было залито кровью, превратившейся в красную ледышку. Но сама Лена была жива, дышала едва слышно.

Подбежавшая Васильевна увидела дочь:

– Леночка, что с тобой сделали?

– Васильевна, отойди отсюда, следы преступника затопчешь.

Васильевна осторожно обошла сугроб.

– У Лены были золотые изделия, деньги?

– Откуда? Сам знаешь, как мы живем, от зарплаты до зарплаты едва дотягиваем. Ой! А чулки?

Андрей сначала не обратил внимания, но откинувшаяся пола пальто обнажила разорванный чулок. Да и нижнего белья на девушке не было.

В приступе ярости Андрей скрипнул зубами: Лена попалась насильнику. Но ведь раньше он только угрожал ножом, не пуская его в ход. Сволочь!

Из-за угла вывернула карета «Скорой помощи» – это была старенькая полуторка с крытым фанерой кузовом.

Увидев милиционера, водитель затормозил:

– Что у вас?

– Изнасилование и ножевое ранение в живот. Не исключая обморожения – она в сугробе часа три пролежала.

Санитары уложили девушку на носилки и затолкали их в кузов. Мать Лены уселась в машину, и «Скорая», фыркнув мотором, выехала из переулка.

Андрей перевел дух – все-таки жива! Лишь бы выкарабкалась. Ранения в живот всегда серьезные, да и времени много прошло.

Прошло еще четверть часа, пока появилась «полуторка» с дежурной бригадой.

– Здорово, Фролов! Что у тебя? Ты же вроде не дежуришь?

– Так и есть. Соседка ночью прибежала, Кутафина ее фамилия. Вечером дочь к подружке ушла и не вернулась. Пришлось к подружке идти. А по дороге дочку в сугробе обнаружили, с ножевым ранением в живот. Судя по всему, ее еще и изнасиловали.

Сотрудники дежурной бригады переглянулись:

– Похоже, тот же насильник.

– Не факт, – возразил оперативник. – Тот, угрожая ножом, насильничал и грабил, но нож не применял. Ведь если бы потерпевшую в сугробе не нашли, к утру был бы труп.

– Точно – с ранением и на морозе.

Фотограф сделал несколько снимков, ослепив всех магниевой вспышкой. Потом эксперт побрызгал на мужские следы водой, подождал, пока она замерзнет, и залил отпечатки жидким гипсом.

– Вот, теперь у нас кое-что есть. Русский сапог, размер... – эксперт смерил гипсовый отпечаток линейкой, – сорок третий. Здоровый получается мужик.

– А другие потерпевшие говорили – среднего роста и коренастый.

– Может быть – не тот? Если потерпевшая придет в сознание, допросим, узнаем. Лишь бы девчонка выжила, зацепка будет. Фролов, поехали в отделение. Рапорт напишешь: фамилию потерпевшей, адрес, обстоятельства.

Андрей чертыхнулся – пропала ночь. Впрочем, на востоке уже серело, наступало утро очередного дня. Пока напишешь рапорт, уже и домой идти смысла не будет.

В отделении он сел за стол, написал рапорт, описав все, как было, и отдал бумагу дежурному. На часах было уже семь утра.

Дежурный зевнул:

– Ты бы прилег на пару часов в свободном кабинете, соснул...

– Наверное, я так и сделаю.

Андрей зашел в первый же кабинет – днем тут сидел дознаватель – и улегся на продавленный диван. Но сон не шел.

Девчонку жалко. Молодая еще – может, выкарабкается? И семья хорошая, труженики. Родителям горе. Теперь следователи должны вести дело. Только у них этих дел – целая куча.

Андрей решил опросить всех информаторов. Шансов мало, но все-таки попробовать надо. Ночь была, свидетелей нет, но и транспорт общественный не ходит – метро, трамвай, автобус. Стало быть, насильник живет в этом же районе – пешком на другой конец города не пойдешь. Да и удар ножом в живот выдает непрофессионала. Те, кто фронт прошел, бьют в грудь, в сердце – или в шею сбоку. Тогда у жертвы шансов нет.

Судя по прорехе на пальто, нож широкий – сантиметра четыре. На заточку или финку, которыми матерые уголовники пользуются, непохоже.

Надо этого подонка найти. Неужели не видел, что перед ним подросток, а не взрослая женщина? Пусть следователи копают – это их работа, но и он разыскать попробует. Тут уже дело принципа, иначе как в глаза родителям Лены смотреть? Если не скажут напрямую, то подумают – зря он, Андрей, хлеб свой ест, жалованье получает. И не объяснишь, что поимка насильника – не его работа, а следователя.

Пока размышлял, часы в кабинете – большие, напольные – пробили девять. Надо спешить на развод. Он успел, но ничего нового не услышал. В сводке сообщалось о попытке убийства и изнасиловании, но он и сам все видел.

Сразу, как заступил на пост, Андрей стал среди прохожих своих стукачков выискивать. Наконец увидел одного, идущего беззаботной походкой, в расстегнутом пальто.

– Шурик, что это на тебе?

– А что такое?

– Да вроде пиджачок похожий в сводке о квартирной краже проходил...

Блатной тут же запахнул пальто:

– Ошибочка, начальник, я не при делах. В карты я его выиграл.

Шурик стучал по мелочи, но иногда зацепки давал хорошие.

– Об изнасиловании и убийстве ночью сегодня слышал?

– Откуда, начальник? Мы до утра в карты резались. Вот только домой иду, отсыпаться.

– Услышишь чего-нибудь – сообщи.

Шурик напыжился, распахнул пальто:

– Непременно.

Он почувствовал, что сегодня пронесло, не его потрошить будут.

Андрей опросил полтора десятка информаторов, и ни один из них не был в курсе. Тогда он пошел в переулок и стал опрашивать жителей – не видел ли кто чего-нибудь подозрительного, не слышал ли криков. Однако ничего из того, что могло бы ему помочь, узнать не удалось. Честно говоря, он в душе сомневался, что уголовники помогут. Если бы произошла кража – тогда другое дело. Вещи все равно где-нибудь, да всплыли бы: на барахолке, на ком-то из блатных – и это уже улика. Насильники же действовали в одиночку. Но этот был местным – Андрей был уверен.

Тогда он решил идти другим путем – искать одинокого мужчину. Он исходил из простой вещи – женатый на насилие и убийство вряд ли пойдет, женской ласки ему и дома хватает. Он начал методично обходить все дома под видом проверки паспортного режима. Закон тогда был суров – жить можешь в населенном пункте, только имея на руках паспорт с пропиской. За нарушение – штраф на первый раз и высылка за сотый километр. За повторное – суд и срок.

Проверки паспортного режима считались эффективной мерой по выявлению нетрудового элемента, криминалитета. Еще в таких проверках был заинтересован НКВД, но вот в этом Андрей откровенно сомневался: ни одного шпиона таким путем выявить и уж тем более разоблачить не удалось. Если

разведчик заслан на нашу территорию, то уж с документами у него будет идеальный порядок. А вот деревенские в город ехали – в поисках лучшей доли.

Во всем этом была одна заковыка – паспорта имели только городские жители, а у деревенских – справки из сельсовета. С такими на работу не возьмут, кадровики следили за этим строго.

Андрей проверял дом за домом. Некоторых жителей не было – время рабочее. Ну так он не барин, вечером зайти может.

Так или иначе, но за неделю он прочесал, таким образом, три небольших квартала. Подозрительных оказалось двое. Оба были высокими, крепкими и в армии не служили. У одного бронь была, поскольку работал на военном заводе, а у второго вместо военного на руках «белый» билет.

На слабого здоровьем мужик не походил, да и взгляд его Андрею не понравился. Обычно люди при проверке заискивали: то родня в доме гостит не прописанная, то еще что-то... Этот же смотрит нагло, даже с долей презрения. А ведь Андрей видит его в первый раз и насолить еще ничем не успел. В общем, похоже, что у мужика есть второе дно, какой-то душок нехороший.

И Андрей решил последить за мужиком. Понятное дело – в свободное от службы время.

Решено – сделано. За небольшие деньги он нанял шкета, который смотрел за мужиком днем – куда пошел, что делал, с кем общался. А ночью следил сам. И место было, где спрятаться: рядом с переулком – небольшой овраг, на краю – кусты густые. Зимой за ними не укроешься, но это днем. А ночью, в темноте вполне сойдет.

Одна ночь прошла впустую.

В доме погас свет, наверное – мужик спать улегся. Но там натоплено, а вот Андрею на зимнем ветру холодно.

Но следующая ночь оказалась интересной.

За полночь мужик вышел из дома, запер калитку и пошел к тропинке, ведущей через железную дорогу. Андрей – за ним. Он держался поодаль, стараясь идти в тени домов или заборов.

Мужик шел уверенно, и у Андрея зародились некоторые сомнения – он шел явно к какой-то цели. У насильника же тактика иная.

Тот, за кем он следил, сделал несколько поворотов и вошел на территорию складов.

При железной дороге была огромная территория рядом с грузовой станцией. Здесь разгружались вагоны, грузы складировались, а потом развозились машинами. Город был огромен и ежедневно потреблял большое количество продуктов и одежды. В меньших количествах – канцелярских принадлежностей, книг, велосипедов, калош и прочего. Но что делать здесь предполагаемому насильнику?

У каждого склада стоял сторож. Если что-то и можно было украсть, то только в сговоре с завскладом и днем, когда вокруг снуют десятки, а то и сотни людей.

Андрей терялся в догадках.

Тем временем мужик свернул за угол и исчез.

Андрей последовал за ним. Перед ним открылась тускло освещенная площадка и – ни одной живой души. Куда же он делся? Неужели заметил слежку и выкинул какой-то хитрый трюк?

Андрей заметался от склада к складу. На утоптанном колесами грузовиков и ногами грузчиков и получателей грузов снегу разглядеть следы мужчины невозможно.

Разочарованный и раздосадованный, Андрей вышел с территории складов. Пожалуй, мужика можно перехватить на обратном пути – пойдет же он домой?

Андрей вернулся к железной дороге. Этот путь, тропинку, подозреваемый миновать не должен.

Ждать пришлось долго, около двух часов. Андрей замерз и был зол – и на себя, и на мужика, который так ловко ушел от слежки.

Наконец на насыпи показалась мужская фигура, согнувшаяся под тяжестью груза. Пока было не понять, что он несет – да и тот ли это человек? Темно, лица издалека не разглядеть.

Человек приблизился, оступился с тропинки в снег и чертыхнулся.

Андрей достал из кармана «вальтер», снял его с предохранителя:

– Стоять! Милиция!

Мужчина на мгновение замер от неожиданности, потом резко сбросил груз и бросился бежать. Стрелять? А вдруг у него оружия нет? Убийство безоружного – это уже перебор, на самого дело могут завести. А впрочем, пусть бежит, Андрей все равно знает, где он живет. Надо осмотреть груз, брошенный на тропинке.

Андрей подошел к мешку, ощупал его. Внутри лежало нечто прямоугольное, похоже – ящик. Он развязал горловину. Точно, картонный ящик.

Андрей ухватился за картон, вытащил ящик и зажег фонарик – его он привез с фронта, снял с убитого регулировщика. Чем этот фонарик был хорош – он менял цвет луча. Повернешь ручку в одну сторону – появляется зеленый светофильтр, повернешь в другую – красный. И ремешок имел, с петлей для пуговицы форменной, чтобы подвесить можно было.

На ящике из плотного картона надписи на иностранном языке. Андрей попробовал прочесть, но не смог и с досады сплюнул: он знал простые слова на немецком, вроде: «Стой!», «Руки вверх!» Он надорвал картон.

Внутри лежали банки консервов. Знакомые ему такие – американцы в них колбасу поставляли. Значит мужик – обычный вор.

Андрей прошел к месту на тропинке, где тот оступился в снег, и посветил фонариком. След не был похож на тот, что оставил насильник. Рисунок на подошве другой и размер обуви больше.

Андрей сломал веточку с куста, приложил к следу, отломил лишнее – дома сантиметром померяет. Черт, две ночи на мужика убил, не спал толком, на службе с чумной головой ходил, а все попусту. И что теперь ему с ящиком консервов делать? Здесь бросить? Моментом прохожие подберут. Вызывать дежурную бригаду? Мужик отпрется – ящик не мой, в первый раз вижу, да и следов на мешке не будет. Пальчики остаются на поверхностях гладких, тогда можно снять отпечатки.

Андрей засунул ящик обратно в мешок, завязал горловину и взвалил его на плечо. Со стороны смотрелся нелепо – в милицейской форме и с мешком ворованных консервов на плече. Сейчас ему только на патруль наткнуться не хватало. На перекрестке больших улиц по ночам дежурили постовые, а улицы периодически обходила военизированная милиция. Не хотелось бы ему попасться им с таким грузом.

Однако до своего дома он дошел благополучно. Отпер ключами дверь коммуналки, прошел в комнату тетки. Мешок в угол поставил – пусть постоит. Сам разделся и улегся спать – до подъема на службу оставалось всего три часа.

Утром проснулся от возни – тетка пыталась развязать горловину мешка.

– Не трогай, там военное имущество, – строго предупредил Андрей.

Он выпил чаю с бутербродом и отправился на работу. Неожиданно появившаяся проблема не оставляла его – что с консервами делать? Сдать в милицию как случайную находку? Или съесть? Приварок солидный – двадцать четыре банки! Так ведь соседи пустые банки в мусорном ведре увидят, вопросы возникнут.

Так он ничего и не решил. А потом развод, служба, думать было некогда – закрутился.

Уже вечером зашел в «Продмаг» – похожих банок в продаже не было. Американцы после войны продовольственную и иную помощь СССР не оказывали, так что консервы эти были из старых запасов, со складов.

Андрей позвонил в квартиру Кутафиных.

Дверь открыл отец Лены.

– Здравствуйте, Николай Афанасьевич!

– Добрый вечер, Андрей.

– Спросить зашел – как дочка?

– Операцию сделали, в себя пришла. Слабая, правда. Мать сидит при ней безотлучно.

– В какой она больнице?

– В сорок седьмой, в хирургии.

– Выкарабкается теперь, организм молодой.

– Тебе спасибо и низкий поклон. Кабы не ты, замерзла бы Лена в сугробе том. А насильника-то не нашли еще?

– Ищем пока. Сообщу.

– Своими руками удавил бы гада.

– Ладно, бывайте.

Андрей пошел к тетке. То, что Лена выжила после такого ранения и нескольких часов на морозе в сугробе, – просто чудо, его величество Случай и удача. А ведь ее посетить завтра можно. Проведать, гостинец принести и заодно расспросить осторожно, как выглядел насильник. Да не только насильник – убийца! Ножом ударил, снегом забросал. Весь умысел был – убить, а не ранить, чтобы потерпевшая не могла его описать.

Он уже разделся, как вдруг вспомнил – суббота сегодня, завтра у него выходной. Страна работала на шестидневке, с одним выходным.

Утром он почистил щеткой мундир, надраил до блеска сапоги. Гражданский костюм надеть бы, да не было его, не заработал пока. Почти все деньги на еду уходили. Денежное довольствие у сержанта невелико, впрочем – и у офицеров оно не намного выше. За награды приплачивали – за орден и медаль, но разговоры шли, что вскоре эти доплаты отменят.

Пока тетка была на кухне, он вытащил из коробки две банки консервированной колбасы. Небось в больнице харчи казенные, не деликатесами кормят. А девчонке силы нужны для выздоровления. Вот мясные консервы в самый раз будут, с пустыми руками идти неудобно.

Он сунул банки в карманы шинели, осмотрел себя в зеркало.

До больницы ехал трамваем, потом еще пешком квартал. Встречные девицы поглядывали на молодого милиционера с интересом, но Андрей их взглядов не замечал.

Были ли у Лены следователи? Ведь он постовой и вести следствие не имеет права. Но поговорить приватно ему никто запретить не может, соседку пришел проводить.

В гардеробе он повесил шинель, и ему дали застиранный халат: цвет его из белого когда-то стал светло-серым. Зато банки в карманы халата вошли – не нести же их в руках.

У медсестрички в отделении узнал номер палаты, где находилась Кутафина, и, постучавшись, вошел.

Палата была маленькая, на три койки. Лена лежала ближе к двери, слева; рядом на стуле сидела ее мать, почерневшая от горя.

Андрей тихо поздоровался. Васильевна вскинула глаза, кивнула.

Андрей подошел к кровати, достал из карманов банки:

– Это для Лены, ей сейчас усиленное питание нужно.

Услышав его голос, девушка открыла глаза и сказала едва слышно:

– Дядя Андрей!

– Конечно! Вот, проведать пришел.

Он осторожно примостился на кровати, в ногах.

– Не помешаю?

– Что ты, Андрей! Мы рады! – Мама Лены всплеснула руками. – К Леночке вчера из милиции уже приходили. Ты тоже по делу?

– Нет, просто проведать. Соседи же!

– Конечно-конечно! Кабы не ты... – Мама Лены замолчала.

– Успокойся, Васильевна. Девочка жива, поправится. Все уже позади. А ей сейчас положительные эмоции нужны.

– Подружки к ней сегодня приходили, но их медсестра не пустила. Говорит – не положено, слабая еще доченька-то.

– Правильно говорит. Вот окрепнет – тогда пускай ходят. Без друзей тоже нельзя.

– Ну да, ну да! Я разве против?

– Леночка, – обратился Андрей к девушке, – я тебя утомлять не буду, ты мне всего несколько слов скажи. Как он выглядел?

– Страшный.

– Это не примета, – вздохнул Андрей. – Какие-то приметы у него есть?

– Щетина.

– Сбреет он ее – и не будет приметы. Он высокий, низкий?

– Выше вас.

– Может, шрам у него есть или родинка, бородавка?

– Не было. Фикса железная вверху справа, и языком он цыкает.

– Одет во что?

Соседи на кроватях затихли, прислушиваясь. Будет потом о чем посудачить.

– Не помню я. Шапка была суконная и тулуп черный.

Видно было, что Лена устала.

– Ладно, отдыхай. Спасибо тебе.

– Это вам спасибо, Андрей, – проводила его до двери палаты Васильевна.

Андрей вышел. В гардеробе надел шинель, шапку, затянулся портупеей. Маловато данных, но хоть какая-то зацепка. Знал бы раньше – не следил бы две ночи за подозрительным мужиком. Жаль было времени, потраченного впустую.

Андрей снова взялся за своих стукачей. Все, что он узнал от Лены, довел до своих информаторов.

Прошло уже несколько дней, когда к концу одного из дежурств к нему подошел мелкий спекулянт по прозвищу Ищи-Свищи.

– Ты вроде человечка разыскиваешь?

Он слово в слово повторил приметы подозреваемого.

– Есть такое дело.

– На барахолке пивная есть, на углу.

– Знаю.

– Он там частенько обретается, больше по вечерам.

– Кто такой, где живет?

– Э, нет! Я тебе наколку дал, дальше сам раскручивай. Ежели блатные узнают, они мне язык отрежут.

– Не узнают. А тебе какой в том интерес?

– Другой раз мимо пройдешь, от вещичек моих отвернешься – уже хорошо.

– Похоже, зуб на него имеешь?

– Не без того.

– Тогда уж колись до конца, что ты все вокруг да около. Сказал «а» – говори «б».

– На Тишинке он у марухи живет. Мы с ним еще до войны в одном лагере сидели, он за убийство чалился.

– Имя, фамилия?

Ищи-Свищи помялся, потом махнул рукой:

– Тимофеем его зовут. Тогда Кравцовым был, а сейчас не знаю. А погоняло Синий, он татуирован.

– Ладно, проверю.

Хм, Тишинка – так назывался в простонародье целый район – понятие растяжимое. Посмотреть бы фото этого Тимофея в архивном деле, да вот не всех

сотрудников в архив пускают. Значит – тоже не вариант. И потому остается пивная на барахолке – она была на территории его участка.

В пивной бывал разный народ. И рабочие заходили пропустить кружечку «Жигулевского» «с устатку», и блатные собирались, и торговцы с рынка. Хватало и попрошайек, выпрашивающих кружку пива на опохмелку. Буфетчица – дородная баба Тоня – пиво разбавляла и недоливала, хотя табличка «Требуется долива пива после осаждения пены» стояла на прилавке.

Однако баба Тоня была хитра и изворотлива. Людям, с ее точки зрения уважаемым, пиво наливала неразбавленное, свежее. Проверяющие удовлетворялись, а то, что простой люд шумит – так что ж с них взять? Выпившие они уже, мнится им.

Андрей колебался – зайти или нет в пивную? Решил зайти. Пиво брать нельзя, при исполнении он, а вот бутерброд съесть можно, да и погреться заодно.

В пивной было многолюдно, накурено, пахло кислым пивом, рыбой и немытыми телами. Тот еще запах!

Он взял у буфетчицы Тони бутерброд с сыром и килькой и сел в углу. Откусив кусок, стал медленно жевать и одновременно оглядывать зал. Однако никого в тулупе он не увидел. Присутствующие были либо в пальто, либо, что чаще, – в телогрейках. Некоторые украдкой в кружки с пивом подливали водочку. Буфетчица, если замечала, пыталась это дело пресечь:

– Алкаши! – громогласно кричала она. – Когда вы уже нажрётесь! Еще раз увижу – взашей вытолкаю.

Постоянные посетители пивной дали Тоньке-буфетчице кличку Дизель-баба.

Никого похожего на описанного насильника Андрей не обнаружил и дожевывал свой бутерброд. Сейчас бы еще стаканчик горячего крепкого чая, но в пивной чай не наливали.

Надев шапку, он пошел к выходу... и в тамбуре нос к носу столкнулся с мужчиной, которого разыскивал. На нем был черный кожаный плащ, крытая сукном

черная шапка и руки в наколках.

Сориентировался Андрей мгновенно:

– Стоять! Ваш паспорт! Проверка!

– Чего прицепился, краснопогонник? Тверезый я, не пристаю ни к кому!

– Паспорт! – Андрей положил руку на кобуру.

Тимофей – если это был он, – нехотя полез за отворот полушубка, во внутренний карман.

Андрей посторонился, расстегнул клапан на кобуре, благо рука на ней уже лежала.

Мужик движение заметил, ухмыльнулся, и Андрей заметил, как блеснула фикса во рту. Справа, на верхней челюсти, как и говорила Лена.

Ему захотелось выхватить оружие и выстрелить. Однако – нельзя. Народу вокруг полно, и подозреваемый оружие в руках не держит. В тамбуре тесно, только двоим разойтись.

Мужик вытянул паспорт. Андрей взял замусоленную зеленую книжицу, развернул: «Василий Иванович Кропотков, 1907 года рождения».

Он перевернул страницу:

– А прописочка-то у вас не московская!

– В командировку приехал.

– Покажите командировочное.

Если мужик на самом деле Кравцов, то паспорт поддельный. Мало того, что фамилия другая, так и серия паспорта обычная. А вышедшим из заключения

давали паспорт определенных буквенных серий. Взял в руки, и сразу понятно – бывший зэк.

В это время с улицы в тамбур втиснулся поддатый мужичок в телогрейке. Он протиснулся между Андреем и подозреваемым, бормоча:

– Звиняйте, трубы горят.

В этот момент Тимофей с силой толкнул пьяницу на Андрея – так, что тот спиной выдавил стекло, а сам бросился через приоткрытую еще дверь на улицу.

Андрей попытался броситься за ним, но ему мешал упавший пьяница. Пока Андрей отшвырнул его от себя и вылетел в дверь, насильник уже успел пробежать десяток метров, расшвыривая прохожих.

Сунув паспорт беглеца себе в карман, Андрей закричал:

– Стой, стрелять буду!

Но револьвер из кобуры не достал. Как тут стрелять, если место людное?

Андрей мчался за насильником. Тот был выше, ноги длиннее, и бегал он быстро. Дистанция не сокращалась.

Насильник выбежал на широкую улицу, вцепился руками в борт проезжающего мимо грузовика, подтянулся и забрался в кузов.

Уйдет ведь! Андрей заметался по проезжей части. Ни одной машины! А бегом грузовик не догнать. «ЗИС-5» хоть и ехал медленно, но не меньше пятидесяти километров в час. Черт! Как все неудачно складывалось!

Глава 3. Расплата

От досады Андрей едва не кусал губы. Опростоволосился! Он, тертый разведчик, взявший не одного «языка», упустил уголовника! Ведь в полуметре от него стоял! Так обидно!

Андрей направился в райотдел, а там – в паспортное отделение, к начальнику.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Здорово, сержант.

– Посмотрите паспорт. – Он протянул начальнику паспорт беглеца.

Капитан взял паспорт в руки, раскрыл его:

– Фальшивка, – сразу сказал он.

– Почему вы так решили?

– Судя по серии, он должен выдаваться в Ленинградской области, а выдан – опять-таки, по записи – в Смоленске. И фото переклеено – на печать в уголке посмотри. Цвет мастики на странице отличается, пусть и немного, от цвета на уголке фото. Ты и сам бы мог понять.

– Времени не было, не успел. Задержал человека для паспортной проверки, а он сбежал.

– Не догнал?

– Он на грузовик успел вскочить. Место людное, стрелять нельзя.

– Интерес есть?

– Он похож на убийцу и насильника.

– Ты паспорт оставь, я по своим каналам проверить попробую. А завтра ближе к вечеру загляни. Что-то мне лицо на фото знакомым кажется, вроде я его видел

когда-то.

Следующий день выдался у Андрея напряженным и суматошным. На разводе поставили задачу организовать облаву на беспризорников – после войны их объявилось много. Периодически их отлавливали, помещали в детские дома и приюты, но они оттуда бежали. Кроме того, на поездах прибывали все новые и новые, и вскоре армия беспризорников снова заполонила улицы и площади. Они попрошайничали, занимались мелкими кражами, а чаще всего хватали на рынках что-то из съестного и пускались наутек. Иногда их задерживали сами торговцы и когда били, а когда сдавали в милицию.

Но хуже было другое: уголовники тоже имели на них виды. Наиболее пронырливых и дерзких они брали под свое крыло, организовывали шайки. Опытные воры были наставниками, учили искусству быть карманниками: выбивать или вырезать из сумок кошельки, вытягивать их из карманов пальто и пиджаков. Самые агрессивные и физически сильные беспризорники со временем становились грабителями и разбойниками. Воровской мир подпитывался новобранцами из среды беспризорников. В большие города детей толкал голод, безотцовщина и басни бывалых уголовников о фартовой жизни.

В первую очередь зачищали вокзалы. Подъезжали несколько крытых грузовиков, высыпавшие из них милиционеры оцепляли вокзал и прилегающую территорию. Беспризорников отлавливали и отправляли на этих же грузовиках в детские дома, а кого и в больницы. Дети были истощены, давно не мылись, многие были больны.

Облавы напоминали войсковые операции, поскольку в зоне оцепления оказывались настоящие преступники, зачастую оказывавшие вооруженное сопротивление. Ведь вокзалы, рынки и барахолки всегда притягивали преступников – в толчее легче обворовать или ограбить и скрыться.

Через оцепление привокзальной площади пассажиров и прочий люд пропускали после проверки документов, в самом здании вокзала досматривали все помещения.

Андрей стоял между зданием вокзала и пакгаузом багажного отделения. Внезапно со стороны дальнего конца перрона донеслось несколько выстрелов.

Командовавший постовыми капитан Васильев сразу скомандовал:

– Фролов, Савельев, Кирпичев – в конец перрона!

– Есть!

Трое милиционеров помчались по перрону.

Оттуда раздался еще выстрел. Навстречу милиционерам бежали испуганные пассажиры, некоторые бросали свои вещи.

Андрей увидел за бетонным столбом мачты освещения милиционера – он целился в невидимую пока цель.

Андрей подбежал к нему, а еще двое милиционеров, прибывших с ним, укрылись за будкой стрелочника.

– Что происходит?

– Когда началась проверка документов, двое укрылись за пакгаузом, стрельбу открыли.

– Я их пока не вижу.

Однако тут же из-за угла пакгауза выглянул мужчина, выстрелил из пистолета в сторону милиционеров и скрылся снова.

– Ты же говорил – их двое?

– Леший его знает, где второй...

– Сзади обойти можно?

– Если только по перрону вперед, за зданием почтовых отправок, и назад. Как раз в тыл выйдешь.

Милиционер Андрею был незнаком – для облавы собирали силы из нескольких отделений.

– Я буду обходить, а вы не давайте им высунуться.

– Понял! По перрону только бегом! Это самый опасный участок, он простреливается.

– Спасибо, я пошел.

Андрей рванул по перрону, как спринтер.

Со стороны пакгауза хлопнул еще один выстрел. Только из пистолета попасть по бегущему человеку не каждый опытный стрелок сможет.

Андрей добежал до здания почтовых отправлений – его легко было узнать по тележкам с посылками и мешками писем. Обогнув здание, он повернул в сторону вокзала, и теперь не бежал, а шел, держа в руке револьвер со взведенным курком.

Самовзводом хорошо стрелять при столкновении накоротке, с трех-пяти метров. Если же требуется дальний и точный выстрел, то лучше стрелять с предварительным взводом.

Бах! Пуля ударила рядом в бетонную кладку, и Андрей инстинктивно упал на утопанный снег.

Вот и второй стрелок объявился. Только как они думают уйти? За пакгаузом высокий кирпичный забор, а выход в сторону здания почтовиков теперь Андрей перекрывает. Главное сейчас – обнаружить, где укрылся стрелок.

После выстрела среди зданий сразу принялось гулять эхо, и понять, откуда стреляли, было невозможно. Спровоцировать?

Андрей пнул ногой по штакетине забора вокруг здания почтовиков, выломал кусок, насадил на него шапку и поднял.

Тут же снова грянул выстрел. На этот раз Андрей засек стрелка и по звуку, и по вспышке – он укрылся за небольшим зданием аккумуляторной, где заряжали фонари железнодорожников.

Плохо, что снег вокруг: на белом фоне темно-синяя шинель видна отчетливо.

Андрей пополз вперед.

За будкой его передвижение заметили, и снова грянул выстрел. Стрелок из уголовного плохой, пуля выбила фонтанчик снега далековато от Андрея, за метр.

Андрей вскочил и, петляя, бросился вперед.

Навстречу ударили два выстрела, но пули прошли мимо. Однако бандит неосторожно высунулся из-за угла наполовину.

Андрей не мог упустить такую возможность, вскинул револьвер, на мгновение замер, нажал на спусковой крючок и тут же бросился на землю.

Почти одновременно прозвучал выстрел бандита, и два звука выстрела слились в дуплет.

И сразу раздался вопль бандита. Попал!

Андрей мчался вперед, к будке – теперь дело решали секунды. Он не видел стрелявшего – тот укрывался за углом, но не стал нарываться на пулю и обежал небольшую будочку, заходя бандиту в тыл.

Бандит сидел с тыльной стороны. По его левому плечу, струясь, стекала кровь.

Оба одновременно вскинули револьверы нажали спуск. Но у бандита раздался лишь щелчок – закончились патроны. Андрей же выстрелил.

Пуля ударила бандита в грудь, и тело его завалилось на бок.

Ногой Андрей отшвырнул револьвер бандита в сторону. Этот уже готов, но со стороны пакгауза все еще звучат выстрелы. Второй жив, он слышал перестрелку в своем тылу и теперь настороже.

Андрей откинул защелку, высыпал пустые гильзы и дозарядил барабан. Потом стал осторожно пробираться вдоль стены пакгауза.

Сверху, с крыши слышались шаги, скрип снега.

Андрей прижался к стене спиной, и в это время второй бандит спрыгнул сверху, с крыши. Не удержавшись на ногах, он упал на колени и услышал сзади голос Андрея:

– Брось оружие и подними руки, чтобы я их видел. Попробуешь встать или повернуться – мозги вышибу.

Не раздумывая, бандит отбросил в сторону пистолет и поднял руки.

– А теперь встань и медленно повернись!

Бандит поднялся с колен, повернулся, и Андрей увидел уже знакомое ему, ненавистное лицо. Насильник, ушедший от него из тамбура пивной! Бандит тоже узнал его – Андрей понял это по его внезапно расширившимся глазам. Но лицо Андрея было последним, что увидел насильник в своей жизни.

Мгновенно вспыхнувшая в нем ярость, ненависть на миг затмила разум, и Андрей дважды выстрелил в лицо насильника.

Бандит рухнул замертво.

Тогда, при их первой встрече он был одет в черный кожанок и черную же суконную шапку. Нынче же на нем была темно-зеленая телогрейка, а шапки не было вовсе, поэтому Андрей и не узнал его со спины. Впрочем, это мало что изменило бы.

Слышались звуки шагов бегущих людей, и из-за угла выскочили два милиционера с оружием в руках.

– Жив?

– Обоих убил. Отстреливались, сволочи!

– Туда им и дорога!

Через несколько минут к месту перестрелки подошел капитан Васильев:

– Что у вас?

– Двое неизвестных стрельбу учинили. Судя по наколкам – бывшие заключенные.

– Воздух чище будет. Оружие аккуратно подобрать и отправить на экспертизу. Может быть, оно использовалось в других преступлениях. Труповозку я сам по телефону вызову.

Неизвестный Андрею милиционер подобрал оружие у обоих бандитов, обернув их в носовой платок.

– Все живы, никто не ранен? Тогда по местам.

Андрей занял свое место в оцеплении. На душе было удовлетворение – все-таки наказал он насильника. Сам наказал, своей рукой! Суд мог назначить лагеря, и через некоторое время этот урод мог снова выйти на свободу и приняться за свое. Никого из блатных заключение еще не исправило, хотя лагеря и назывались исправительно-трудовыми – как в насмешку.

К шести вечера облава закончилась, милиционеров распустили, и Андрей сразу направился в 47-ю больницу. Отсюда, от вокзала она была не так далеко. Шел, правда, с пустыми руками, но зато с радостным известием.

Мама Лены встретила его на пороге палаты:

– Здравствуй, Андрей. Не ожидала тебя так поздно.

– Лена спит?

– Дядя Андрей, я не сплю, – слышался голос девушки.

– Я тебя обрадовать пришел. – Андрей подошел к ее кровати. – Обидчик твой мертв.

– Правда? Все-таки есть справедливость на свете! Теперь я быстрее на поправку пойду.

– Выздоровлявай! А я еще зайду, как время позволит.

Андрей попрощался и ушел.

На следующий день после дежурства он пошел сдавать оружие и в коридоре отдела столкнулся с капитаном, начальником паспортной службы:

– Ты чего же не заходишь?

Андрею стало неудобно: человек занимался его просьбой, а он даже не заглянул.

– Простите, служба. Вчера облава, сегодня...

Он не успел договорить, как капитан кивнул:

– Не извиняйся, сам вижу. Пойдем ко мне.

Уже в кабинете он достал паспорт из сейфа и положил его на стол:

– Никакой это не Кропотков Василий Иванович, а Тимофей Прокофьевич Кравцов, осужденный в тысяча девятьсот тридцать девятом году за убийство с особой жестокостью на десять лет лагерей.

– По амнистии вышел?

– Как бы не так! В сорок первом немецкие танки на лагерь вышли. Охрана разбежалась, большей частью погибла. Заключенные тоже разбежались кто куда. Есть данные, что Кравцов этот в полиции у немцев служил.

– Мертв Кравцов со вчерашнего дня. Вчера вечером во время облавы двое стрельбу открыли – убиты оба. Один из них – этот Кравцов.

– Собаке – собачья смерть. У него руки по локоть в крови.

– Спасибо, товарищ капитан.

– Не за что. Значит, розыскное дело можно в архив сдавать, когда опознание подтвердит. Ну – отпечатки пальцев, фото...

– Так точно.

– Ты обращайся, если что надо будет. Одно дело делаем.

Несколько дней Андрей чувствовал себя почти счастливым: насильник понес заслуженную кару, а Лена пошла на поправку.

Через несколько дней после построения на развод один из его сослуживцев спросил:

– Ты на праздник в чем придешь?

– На какой?

– Забыл разве? Через три дня День Советской армии! Отдел в полном составе, кроме дежурной смены, в Клубе милиции будет. Вот я и думаю: пиджак и рубашка у меня есть, а брюк нет.

– Тоже мне – проблема! Иди в форменных.

– Думаешь?

– Не хочешь – так иди к барыгам, купи у них.

А сам задумался. У него самого, кроме летней и зимней формы, никакой гражданской одежды нет. Как говорится, – и в пир, и в мир, и в добрые люди. Везде в одном и том же.

Патрулируя барахолку, он подошел к знакомому барыге:

– Костюм бы мне и рубашку. А еще туфли или ботинки.

Барыга окинул Андрея оценивающим взглядом:

– Одежда сорок восьмой, второй рост, обувь сорок второй. Угадал?

Андрей удивился – ну и глаз у барыги!

– Угадал.

– Все найду, начальник. Костюм шевиотовый, ботинки хромовые.

– Сколько стоит будут?

– Обижаешь, начальник, за свою цену отдам.

– Все-таки хотелось бы знать...

– Плохо государство о своих людях заботится. Три тысячи за все.

Сумма была большой, и Андрей не смог сдержать вздох огорчения.

Барыга понял:

– Две с половиной, и то себе в убыток отдаю.

– Ладно, договорились. Только мне померить надо.

– А как же? Конечно!

– Ну не здесь же, я на службе.

– Тогда вечером ко мне домой. – Барыга назвал адрес, и Андрей повторил его про себя.

В обед он заскочил домой, забрал деньги – за полгода службы сумел накопить три тысячи, и вечером направился к барыге.

Тот открыл дверь сразу – ждал.

– Пожалуйста... Вот ваш костюмчик... Извольте примерить...

Костюм был темно-коричневый. Брюки широкие, с отворотами – по моде, пиджак двубортный.

Андрей снял форму и надел костюм. Посмотрев в зеркало, он не узнал себя – к форме он привык больше. В армии в форме, в милиции – тоже. Как он выглядел в школе, уже забыл.

Из соседней комнаты вышел барыга:

– Ай-яй-яй, молодой человек! Как на вас костюм шили! Просто великолепно! Прямо жених!

– Да?

– Зуб даю, чтоб у меня глаза лопнули!

– Ладно, беру.

Андрей примерил рубашку – она оказалась тесна. А вот ботинки пришлись в самый раз.

– Может, теннису возьмете вместе рубашки? – предложил барыга.

Тенниска оказалась в самый раз – белая.

– Беру. – Андрей отсчитал деньги.

Барыга завернул вещи в крафт-бумагу, перевязал. В мешках из такой плотной бумаги перевозили почту, а немцы на фронте хоронили своих убитых.

Андрей попрощался с барыгой.

– Желаю носить не сносить, – пожелал продавец.

Дома тетка только всплеснула руками, когда Андрей надел обновки:

– Андрей, да ты прямо красавец писаный! Вот что: тебе надо жениться!

– Не нашлось пока подходящей девушки, – улыбнулся Андрей.

– Сколько мужчин с фронта не вернулось! Девушек и женщин вокруг тебя полно, куда ты только смотришь! – запричитала тетка.

– А жить где? – остудил ее пыл Андрей.

С жильем в столице было плохо. Люди ютились в бараках, в коммуналках. Во время войны не строили ничего, часть домов была разрушена бомбежками. Сотрудникам ценным и не женатым предоставляли койку в общежитской комнате, женатые сами снимали угол. А уж комната в коммуналке была предметом мечтаний и зависти.

В 1947 году начали строительство пяти знаменитых высоток. О жилых домах речи не шло – значительная часть бюджета страны шла на «атомный проект».

Двадцать второго февраля на разводе капитан Васильев поздравил сотрудников с наступающим праздником.

– Завтра, в двадцать часов свободным от службы прибыть в Клуб милиции – генерал Леонтьев опозданий не терпит. Форма одежды свободная. После

торжественного собрания будет вечер с танцами.

После построения постовые стали живо обсуждать предстоящий праздник. У всех было радостное настроение – праздники со всеобщим сбором бывают нечасто.

На следующий день Андрей примчался со службы, переоделся в костюм и ботинки. Осмотрел себя в зеркало – вроде все в порядке. Потом шлепнул себя ладонью по лбу: не лето на улице, а пальто нет! Надевать же форменную шинель на штатский костюм – нелепо.

Выручила тетка:

– Спрошу у соседа. У него вроде размер твой, и пальто есть.

Она вернулась с пальто. Хорошее сукно, каракулевый воротник, а главное – по размеру подошло.

– Передай мою благодарность Исааку Соломоновичу!

Андрей проверил карманы пиджака. Удостоверение взял, носовой платок на месте. Немного поколебавшись, положил в карман маленький «маузер», отобранный у мальчишки. В нем было четыре патрона – ну так ведь он не вражеский гарнизон штурмовать собрался. Привык Андрей к оружию: в армии не расставался, в милиции... Без оружия он чувствовал себя не в своей тарелке. Пистолетик маленький, под одеждой не заметен, но с ним спокойнее.

Ехал на трамвае – клуб был почти в центре. Окна его были ярко озарены, у входа попыхивали папиросками сотрудники. Большинство были в штатском, но некоторые – в форме.

Андрей поднялся по ступенькам. В просторном фойе играл духовой оркестр.

Андрей сдал пальто и кепку в гардероб, причесался у зеркала.

На торжестве он был впервые: сразу после школы война, потом милиция, и сейчас он немного волновался. Увидев группу своих сослуживцев из отделения,

подошел.

Все пришедшие надели награды – медали, ордена, и выглядели непривычно, торжественно. Андрей остро пожалел, что его награды остались дома.

У большинства сотрудников были медали, а у него – и орден: было чем похвастать, не в тылу проедался.

Зазвонил звонок, и все потянулись в зал.

Андрей с интересом разглядывал интерьер, обитые бархатом кресла, портреты Сталина и других вождей на сцене.

Потом выступал начальник Главного управления генерал-лейтенант Леонтьев – его Андрей видел в первый раз.

Сначала он слушал с интересом, но потом наскучили трескучие слова о руководящей и направляющей роли партии, сухие цифры достижений. Какие достижения? Он каждый день воочию видел, как тяжело живет народ, практически – выживает.

Когда были на фронте, обсуждали в землянках, какая счастливая жизнь наступит после войны, когда они фашистов разобьют. Однако они сильно ошибались.

Закончив речь, генерал стал награждать отличившихся сотрудников грамотами и денежными премиями. Андрей в их число не попал. Впрочем – он и не ожидал. Кто он такой? Без году неделя в органах, постовой сержант. Позаслуженнее люди были.

Самое интересное было впереди.

Из актового зала они перешли в другой, где стояли длинные столы, скромно накрытые. Но сотрудники и этому были рады. Одни вытащили из карманов принесенную с собой водку, другие – вино, разлили по стопкам и провозгласили тост. Сначала, как водится, – за гениального вождя, великого полководца товарища Сталина. Выпили, закусили, поболтали о разном: вспоминали смешные

случаи, травили анекдоты.

Начались танцы. Заиграл духовой оркестр, и в середину зала вышли первые пары.

Женщин было не так много. Из сотрудниц – орудовцы, служащие паспортных столов. Некоторые сослуживцы пришли с женами, взрослыми дочерьми.

Андрей танцевать не умел – некогда было учиться, но он с интересом смотрел. Выпитая водка, громкая музыка, женщины в открытых красивых платьях – все впечатляло, все настраивало на праздничный лад.

Некоторые из сотрудников отправились играть в бильярд. Они приглашали с собой Андрея, но он отказался. Ему интереснее было посмотреть на танцующих, послушать музыку, которую он слушал только по репродуктору, висевшему у тетки в углу комнаты, да еще иногда у соседа на патефоне.

Когда объявили «белый танец», к нему подошла девушка:

– Я вас приглашаю.

Андрей покраснел:

– Простите, но я не умею танцевать...

– Жаль. Я за вами наблюдала. Вы с удовольствием смотрите на танцующих, вам явно нравится. Меня Валея зовут.

– Меня Андреем. – Он вытянулся в струнку и щелкнул каблуками: – Сержант Фролов.

– Зачем так официально? Я учительница. – Валея встала рядом с ним.

– Как же вы сюда попали?

– Я с папой, – она показала на седовласого полковника, стоящего рядом с колонной. Кто он такой, Андрей не знал.

Они разговорились, и Андрей украдкой разглядывал свою собеседницу.

Валя была скорее мила, чем красива. Невысокого роста, точеная фигурка, изящество которой подчеркивало красивое модное платье. Правильные черты лица, темные волосы уложены по последней моде – валиком над белым, слегка выпуклым лбом. Привлекали глаза девушки – большие, синие, под темными блестящими бровями. В сочетании с темными же волосами они оставляли у собеседника впечатление необыкновенное. Небольшой ровный носик и красивый, четких очертаний рот останавливали взгляд.

Валя была интересной собеседницей, и время пролетело быстро.

Валя посмотрела на часики:

– Ого! Уже одиннадцать часов! Мне пора. Вон уже папа знаки делает.

– Может быть, я вас провожу?

– С удовольствием! Я на Арбате живу.

От милицейского клуба до Арбата было не так далеко, но совсем не в ту сторону, где находился дом Андрея. Поскольку было довольно поздно, метро не работало, трамваи и троллейбусы не ходили.

Он помог Вале надеть пальто, подождал, пока она обуется. Валя подошла к отцу, переговорила. Полковник подозрительно посмотрел на Андрея, но дочери кивнул.

Шли медленно. Стоял легкий – градусов десять – морозец, падали легкие снежинки. Из окон домов иногда слышались песни, звуки гармошки – народ отмечал праздник.

Километр шли час – с остановками, с рассказами.

– В этом доме я живу. – Валя показала на большой дом. – Квартира номер восемьдесят шесть. Ты заходи, если желание будет.

– А телефон у тебя есть?

– А как же? Запомнишь? – Девушка назвала номер.

Андрей вслух повторил.

– Уже запомнил, не забуду.

Валя повернулась и ушла. Андрей поймал себя на мысли, что ему очень не хотелось расставаться – так бы и стоял всю ночь.

Однако пора было идти домой.

По дороге ему изредка встречались подгулявшие компании.

Он уже миновал центр, и до дому осталось ходьбы полчаса быстрым шагом, как услышал сзади шаги. Обернулся.

Позади, не небольшом расстоянии от него шли трое, явно приبلатненные, похоже – гопники. Сапоги у всех троих были гармошкой, темные полупальто, заячьи шапки.

Троица ему сразу не понравилась. Но мало ли – с праздника люди идут. Однако пальто он все-таки расстегнул, пистолетик из кармана пиджака достал. Осторожно, чтобы не клацнул, передернул затвор. Вдруг он ошибся, и сзади добропорядочные граждане, домой с застолья возвращаются?

Шаги стали приближаться.

– Эй, дядя, притормози!

Эх, какой вечер испортили!

Андрей вынул пистолетик из кармана, взял в руку. Со стороны его совсем не было видно – не зря его называют «дамским» или «карманным».

Троица стояла в пяти шагах.

– Снимай прикид! – заявил тот, что был в центре – парень лет двадцати пяти. «Наверное, он у гопников лидер, шишку держит», – мелькнула в голове Андрея мысль.

– Парни, зима на улице, замерзну, – попытался он перевести ситуацию в шутку.

– Ты что, сука, не понял? – Старший завертел в руке нож-бабочку, сверкнул лезвием.

Андрей понял, что разговоры не помогут – такие ублюдки понимают только язык силы. Вскинув пистолетик, он выстрелил бандиту в голову.

Выстрел прозвучал не громче хлопушки. Бандит опрокинулся на спину и засучил сапогами.

Подельники смотрели на него с удивлением. Только что он был живой – и вдруг лежит. И выстрел прозвучал как-то неубедительно, без грохота.

Один из них опомнился быстро:

– Ах ты, терпила недоделанный! – Выхватив из кармана заточку, он кинулся на Андрея.

Хлопнул еще один выстрел.

Нападавший остановился, выронил заточку, схватился за грудь и закашлялся.

Опомнившись, на Андрея кинулся третий бандит.

Андрей выстрелил снова. Ночь, хоть и лунная, но прицел не виден, ствол коротенький.

Пуля угодила нападавшему в живот. Бандит согнулся пополам, прижав руки к животу, и упал.

– Гад ты! – заканючил он.

Андрей обернулся – прохожих нигде не было видно. Выстрелы прозвучали тихо, не привлекая ничьего внимания.

Он подошел к раненому:

– Жил бы себе по-тихому, не мешая никому. А теперь сдохнешь!

С этими словами он выстрелил раненому в голову, и тот затих.

Последний патрон. Андрей оттер носовым платком пистолетик и бросил его рядом с убитым. Жалко оружие, но патронов к нему больше нет, да и ствол «засвечен».

Однако оставался еще один. Раненный в грудь, он по-прежнему стоял, согнувшись, кашлял и отхаркивал кровь – под ногами уже собралась лужица.

Андрей подобрал нож-бабочку и всадил его бандиту в сердце. Опять обтер руки носовым платком – ни к чему оставлять свои отпечатки.

Оглядев лежащие трупы, он отправился домой. Андрей не хотел крови – бандиты сами навалились. Убивал он врагов на фронте, и не раз – из автомата, гранатой, ножом... В рейде, в штыковой атаке, при отражении атаки немцев. Мера вынужденная, неприятная: не курица все же – человек. Только человек этот – враг, что немец, что бандит. И те и другие горе людям несут, а стало быть – и воздухом дышать, жрать и пить не имеют права. Досадно только, что вечер начался так красиво и многообещающе, и девушка хороша...

Спал Андрей крепко, кошмарами не мучился.

Утром тетка пристала с расспросами:

– Как праздник прошел? Понравилось?

– Праздновать не работать, понравилось. Ты пальто Исааку Соломоновичу верни, а то ему, может, в город выйти надо.

– Обязательно!

Андрей выпил воды, оделся и помчался на службу.

На разводе зачитали, впрочем – как всегда – сводку происшествий по городу. Там уже фигурировали три трупа молодых мужчин.

– Похоже – разборки уголовников, – добавил начальник.

Андрею такая версия была выгодна.

Вернувшись домой после работы, он первым делом набрал номер Вали. Чего скрывать: девушка ему понравилась, он ей тоже симпатичен...

Они болтали полчаса, пока соседка не стала бурчать:

– Телефон общественный. Нельзя так долго разговаривать, мне позвонить должны.

Андрей с неохотой попрощался, клятвенно пообещав позвонить завтра. Но ни завтра, ни послезавтра он не позвонил. И виной тому было несколько странных происшествий.

Дежурство его на посту подходило к концу, когда он заметил приближающийся свет фар. Грузовик фыркал мотором, разбрызгивал мартовские лужи. Потом неожиданно вильнул и заглох. «Пьяный за рулем, что ли?» – изумился Андрей.

На подножку с пассажирской стороны сошел мужчина:

– Постовой, ко мне!

Голос был властный, командный.

Андрей подошел. Фары светили ему в глаза, и что за машина стоит перед ним, он не видел. Только когда зашел сбоку, спасаясь от слепящего света фар, увидел на закрытом кузове надпись крупными буквами «Хлеб». Ну, сейчас он прочтет водителю нотацию, а еще лучше будет, если он сдаст его «орудовцам» – так называли регулировщиков уличного движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/korchevskiy_yuriy/frontovik-bez-poschady

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)